

Извини, меня ждут...

Автор:

[Аньес Мартен-Люган](#)

Извини, меня ждут...

Аньес Мартен-Люган

«Извини, меня ждут...» – новый, уже четвертый роман о любви, написанный блестящей молодой француженкой Аньес Мартен-Люган. Известность ей принес в 2013 году бестселлер «Счастливые люди читают книжки и пьют кофе», за которым последовали еще два – «У тебя все получится, дорогая моя» и «Влюбленные в книги не спят в одиночестве». В мире продано больше миллиона ее книг.

Амбициозная переводчица Яэль жертвует ради карьеры всем – личной жизнью, семьей, развлечениями – и не замечает, как она одинока. Когда-то Яэль была веселой, беззаботной студенткой, всегда окруженной друзьями. Теперь, когда ей за тридцать, она даже запрещает себе слушать музыку, чтобы не пробуждать бесполезных эмоций. Однако вопреки ее воле все меняется, когда она случайно встречает друга юности, исчезнувшего из ее жизни много лет назад.

Аньес Мартен-Люган

Извини, меня ждут...

© Editions Michel Lafon, 2016

© Nicolas Reitzaum, фотография на обложке

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Тебе, только тебе, всегда тебе

Когда она свободно выбрана, профессиональная деятельность приносит особого рода удовлетворение: с помощью сублимации становятся полезными склонности, доминирующие или конституционально усиленные влечения[1 - Перевод А. М. Руткевича. (Здесь и далее – прим. перев.)].

Зигмунд Фрейд

Недовольство культурой

Ecoute ma voix, ecoute ma pri?re.

Ecoute mon cCur qui bat, laisse-toi faire.

Je t'en prie, ne sois pas farouche

Quand me vient l'eau ? la bouche.

Je te veux confiante, je te sens captive.

Je te veux docile, je te sens craintive[2 - Прислушайся к моему голосу, услышь мою мольбу. / Слышишь, как бьется мое сердце? Не противься! / Прошу тебя, не будь пугливой, / Когда мне так хочется. / Я жду твоей доверчивости, а ты ведешь себя как пленница. / Я жду твоей покорности, а ты робеешь (франц.)].

Серж Генсбур

L'eau ? la bouche

Глава первая

Уже четыре месяца я бью баклуши: да здравствует преддипломная практика! Со временем я догадалась, по каким критериям в последний момент выбрала подходящее место. В отличие от соучеников по коммерческой школе, готовых пахать, как папа Карло, я не собиралась горбатиться, чтобы заполучить постоянный контракт. Я была лентяйкой и четко знала, чем мне нравится заниматься: использовать оба моих языка – французский и английский – и помогать людям общаться друг с другом. Я обожала говорить. Более болтливой девушки, чем я, на свете не существовало. Я сунула нос в справочник выпускников нашей коммерческой школы и наткнулась на координаты агентства переводчиков для бизнеса. Отправила им свое резюме, прошла интервью у ассистентки директора, и дело было сделано. Но, если честно, разве они нашли бы еще кого-то, кто согласится высидеть полгода в этой норе ради получения диплома? Наверняка я была единственной, у кого они вызвали интерес, потому что предлагали практику типа «ксерокс-кофе» и при этом не платили ни цента, тогда как все мои сокурсники ежемесячно получали хоть какую-то денежку. Правда, преимущества там тоже имелись, и притом весомые: никакой ответственности, носить деловой костюм необязательно, задерживаться после окончания рабочего дня не требуется, зато можно бесплатно пить сколько хочешь кофе, а потом без проблем тусоваться со своей компанией! В другой жизни такой двуязычной девушке, как я, было бы даже интересно там работать.

В тот день я была никакая. Мы всю ночь зажигали, и мне едва удалось поспать пару часиков на раздолбанном складном диване моей сестры, постоянно пересчитывая боками впивающиеся пружины. Я явилась с более чем часовым опозданием, однако, похоже, ухитрилась проскользнуть незамеченной в чулан, служивший мне кабинетом. После обеда, когда я боролась со сном, ко мне заявила секретарша босса на высоченных каблуках – в самый раз для такой уродки – и с ехидной улыбкой на губах. Я сразу почувствовала, что эта вечно всем недовольная девица в очередной раз попытается свалить на меня какую-то из своих обязанностей.

– Отнеси кофе в кабинет Бертрана.

- Нет, я занята. Ты что, не видишь?

- Да ладно!

Она зло улыбнулась, изучила свои наманикюренные ногти, после чего невинным голосом объявила:

- Ага, тогда как только завершишь свое важное задание, приступай к пяти папкам, которые необходимо переплести, потому что я не успею.

Да блин же! Когда нужно управляться с этой переплетной штуквиной, у меня руки будто не оттуда растут. Я склонила голову набок и послала ей такую же тупую улыбку, как у нее.

- Ладно, ладно! Сварю я кофе, так будет лучше - твой и впрямь отвратительный. Зачем злить шефа?

Раздосадованная, она поджала губы и смерила меня раздраженным взглядом, а я поднялась со стула и скорчила отвратительную гримасу, высунув язык.

Через десять минут, держа поднос и мобилизовав все силы, чтобы не растянуться на глазах у сотрудников, я вздохнула и толкнула попой дверь шефова кабинета. В нос мне шибануло текилой: вздох был слишком энергичным, а выпитый накануне алкоголь не успел выветриться.

Я вошла в кабинет и, опустив глаза, сквозь ресницы рассмотрела четверых мужчин в деловых костюмах с галстуками: их натужно-серьезные лица едва не заставили меня расхохотаться. Я поставила чашку перед каждым. Никому и в голову не пришло выдать хоть жалкое «спасибо» за безупречное обслуживание. Как будто я прозрачная. Я задержалась на пару секунд, ожидая хоть какой-то реакции, а заодно и прислушалась, из чистого любопытства. Возможно, они решают проблему спасения мира от голода и потому пренебрегают минимальным проявлением вежливости? По первому впечатлению, речь об этом не шла. С другой стороны, шеф только что завис, запутавшись в английских омонимах. И эти люди называют себя переводчиками! Всему их приходится учить! Я не задумываясь сделала три шага, которые отделяли меня от его кресла, положила руку ему на плечо и с гордым видом

шепнула на ухо, как выпутаться из этой лингвистической западни. Его пальцы нервно застучали по столешнице.

– Выйди за дверь, стажерка! – прошипел он сквозь зубы, одарив меня злым взглядом.

Я быстро отскочила в сторону, адресовала всем присутствующим глупую улыбку и вылетела из кабинета, как будто за мной гнались. Захлопнув дверь, я прислонилась к ней, еще раз вздохнула и расхохоталась. Ладно, теперь он хотя бы знает о моем существовании. Но какая я все-таки идиотка! Пора уже научиться держать иногда язык за зубами.

Два месяца спустя наконец-то пришло избавление. Проклятая стажировка подходила к концу. Тем не менее несколько разговоров, подслушанных под дверь – надо же было чем-то себя занять, – вызвали у меня интерес. Клиенты – сливки деловых кругов – похоже, буквально молились на нашего начальника и трех его переводчиков, а их работа выглядела захватывающе увлекательной. Как я поняла, они встречались с уймой интересных людей из самых разных слоев. Мне это очень понравилось, ну или, по крайней мере, раздражило мое любопытство. С другой стороны... еще чуть-чуть – и здравствуйте, каникулы! Главное, я наконец-то смогу погрузиться в подготовку к грандиозному проекту, о котором еще никому не рассказывала. Я собиралась взять академический отпуск и отправиться в путешествие по миру с рюкзаком за спиной, а уж потом задуматься о своем профессиональном будущем. Мне хотелось повидать разные города, познакомиться с людьми, насладиться жизнью и, главное, развлечься. В шесть вечера, получив у недовольной шефовой секретарши подписанное свидетельство о пройденной стажировке, я приготовилась уходить. В последний раз проверила свой чулан, подумывая, не прихватить ли несколько ручек и блокнот, и тут раздалось:

– Стажерка, в кабинет!

Я вздрогнула. Что могло от меня понадобиться большому боссу? В одном я была уверена: чек с гонораром за проявленное усердие мне не грозит. После моего выступления я прижималась к стенке всякий раз, когда пересекалась с ним, предпочитая избежать очередного втыка. С какой приправой меня сожрут? Когда я вошла в кабинет, важная шишка яростно стучал по клавиатуре. Я стояла

навытяжку перед столом, не очень понимая, что должна делать, теребила руки и впервые чувствовала себя смешной и жалкой с моими роскошными «пумами» на ногах и рыжими волосами, причесанными а-ля дикарка.

- Что вы тут торчите у меня перед носом! – воскликнул он, не поднимая глаз.

Я присела на краешек кресла напротив него. Все так же не глядя на меня, он продолжил:

- Как мне сказали, сегодня вы у нас последний день и ваша учеба окончена.

- Ага, месье.

Он дернулся на слове «месье». Возможно, комплексует из-за своего возраста? Как мне хотелось рассмеяться, еле сдержалась! Пресловутый кризис сорокалетних, еще бы!

- Жду вас здесь в понедельник к девяти утра.

Он впервые удостоил меня взглядом.

- А зачем? – не задумываясь, ответила я.

Он недоверчиво вздернул бровь:

- Сомневаюсь, что вы уже что-то нашли. Или я ошибаюсь?

Он предлагал мне работу, и при этом не шутил! Я не могла ничего понять. Ерзала на кресле. Почему я? Я ни фиги не делала в течение полугода, если не считать последней выходки!

- Можете идти.

- Э-э-э... ну... ладно... спасибо, – с трудом выдавила я, натянуто улыбаясь.

Словно в замедленном кино, я поднялась со своего краешка кресла, после чего направилась к выходу и положила руку на дверную ручку, но он остановил меня:

– Яэль!

Ух ты, ему известно мое имя!

– Да.

Я обернулась и увидела, что он оставил в покое клавиатуру и откинулся на спинку кресла.

– Три вещи: два совета и один вопрос. Для начала советы: никогда больше не проделывайте со мной такие фокусы, как в прошлый раз, и займитесь работой.

Вот ужас, мне поставили двойку по поведению, как в школе!

– Обещаю, – кивнула я, попытавшись соорудить огорченную мину.

– Вопрос: откуда у вас такой совершенный английский?

Я встрепенулась, как боевой петушок, одарив его хищной улыбкой.

– От рождения!

Он изумленно выгнул брови. Дурак он, или что? Этим старикам все нужно объяснять.

– Моя мать англичанка. Отец надумал завершить свое обучение архитектуре в Англии и...

– Ладно, ладно, избавьте меня от историй про вашу бабушку и любимого хомячка, я таких достаточно наслушался. Что до вашей новой должности, вы узнаете о ней на следующей неделе. Хороших выходных и не забудьте в понедельник явиться вовремя! Отныне я не потерплю опозданий. И бога ради, смените наряд...

Он потерял ко мне интерес и повернулся к монитору. Перед тем как покинуть контору, я заскочила в свой чулан за сумкой. Наполовину оглушенная, я на автомате вошла в вагон метро и рухнула на откидное сиденье. Что свалилось только что на мою бедную голову? Меня приняли в фирму, на неведомую мне должность, причем я и пальцем не пошевелила и не хотела этого. Я вообще не намеревалась работать. К тому же в их заведении отвратная атмосфера, там никогда не смеются. Бертран даже не поинтересовался моим мнением. Но, в конце концов, я ничего не подписывала, и никто не заставит меня вернуться в понедельник. Этот тип не явится ко мне, чтобы взять за шкирку и приказать вкалывать на него. Что же, мои планы насчет путешествия теперь развеются как дым? С другой стороны, почему бы не воспользоваться случаем и не заработать немного бабок, чтобы после увольнения, через несколько месяцев, побродить с рюкзаком за спиной дольше, чем я планировала? Кто мне мешает это сделать? Да никто. Нечего и мечтать о том, чтобы родители оплатили мне кругосветное путешествие, они и так уже изрядно вложились в мою учебу, я не собиралась и дальше сидеть у них на шее. Я решила явиться в понедельник в кабинет к начальнику и хотя бы узнать, сколько он собирается мне платить. Если задуматься, эта работа просто свалилась с неба! Я вскочила, когда поезд остановился на станции «Сен-Поль», и, расталкивая пассажиров, выбежала на платформу. Взлетела через две ступеньки по эскалатору и вприпрыжку помчалась к нашей штаб-квартире, «Эль Паис». Именно там почти сразу после начала занятий мы разбили наш базовый лагерь. Его первое преимущество заключалось в соседстве с коммерческой школой, куда я ненадолго забежала, чтобы показаться преподам и поддержать легенду о моей усердной учебе. Затем, это заведение было вполне себе неказистым, что нас устраивало: нас не привлекали всякие модные или крутые бары. На вид оно было грязноватым, запущенным – разболтанные табуреты у барной стойки, старый телевизор над ней, – но современный музыкальный центр обеспечивал правильную атмосферу. Нам тут было хорошо. Хозяин и бармен полюбили нас: их веселили наши истории, наши тощие кошельки, наш спринт в погоне за последним автобусом. «Эль Паис» стал для нас как бы продолжением собственных квартир, а они воспринимали нас как часть привычной обстановки. Я прижалась к витрине, скорчила всем рожу и только после этого распахнула дверь, всё еще на взводе.

– Празднуем все выходные! – завопила я, вздернув руки кверху.

– Тоже мне новость, – возразила Алиса, возвышавшаяся на табурете.

Безумно хохоча, я бросилась на шею сестре и изо всех сил прижала ее к себе. Она ухватилась за стойку, чтобы мы не свалились вдвоем на кафельный пол.

– Я нашла работу! – заорала я ей прямо в ухо.

Она оттолкнула меня и выпучила глаза подобно волку Текса Эйвери.

– Разве ты искала работу?

– Нет! Но я ее получила!

– Впечатляет!

Все набросились на меня. Наша маленькая компания образовалась в последние годы. Началось с Алисы, которая влюбилась в Седрика. Она изучала историю, а он философию, они были созданы друг для друга – оба одинаково спокойные, застенчивые и рассудительные. Что до меня, став через год после сестры бакалавром, я выбрала комфорт коммерческой школы, где три четверти занятий велись на английском. На первом курсе я познакомилась с Адрианом, приземлившимся у нас после нескольких лет неудачного университетского опыта. Никакой любовной истории между нами не было, в основном мы тусовались со всей компанией, много смеялись, проводили бессонные ночи и пропускали занятия. В какой-то момент он резко остепенился, случайно встретив любовь в лице Жанны, продавщицы и матери-одиночки. Он принял всё: пирсинг на Жаннином языке, ее крутой характер, а также Эмму, ее годовалую дочку. При этом он не утратил ни грамма своего юмора (тяжеловатого), ни безудержной страсти к гулянкам. А появление Марка отнюдь не помешало нашим загулам. Алиса и Седрик познакомились с ним в универе. Он изучал историю искусств или, точнее, числился на этом факультете. Вообще-то он туда заявлялся, только если вспоминал об учебе, но никогда не вынимал руки из карманов и ничего не записывал. В любом случае, заинтересуйся он какой-нибудь лекцией, к его услугам была, по словам сестры, целая армия поклонниц, всегда готовых провести с ним дополнительные занятия. Его внешность мечтательного разгильдяя, непринужденного и чуть загадочного, безотказно покоряла всех девушек подряд. Он держал в тайне свои победы над слабым полом, но, по моим наблюдениям, был довольно равнодушен к ним. Я его хорошо знала, потому что мы много времени проводили вместе. Вот только сегодня вечером его почему-то не было.

– А где Марк? – удивилась я, прерывая расспросы друзей.

– Понятия не имею! Куда он подевался? – ответил Адриан. – Обычно он всегда является первым.

Я вытащила из кармана предмет моей гордости, первый мобильник!

– Позвоню ему.

Когда Марк поступил в университет, он поселился у деда, который жил в Париже, а его родители остались в провинции, в Турени. Никто, естественно, не ответил. Дед Марка был неуловим, как порыв ветра, и всякий раз, когда мы бывали у него в доме, он лишь мимолетно попадался нам на глаза. Он был большим оригиналом, всегда готовым сорваться и отправиться на поиски очередной жемчужины, как он говорил, хитро подмигивая. Когда мы спрашивали Марка, чем дед занимается, он пожимал плечами и отвечал, что его Абуэло[3 - От исп. abuelo – дедушка.] – так он называл деда – охотник за сокровищами. Что неизменно вызывало смех и серию подколов, после чего мы переходили к другой теме. В те редкие мгновения, когда мы с Абуэло пересекались, он всегда старался сказать нам что-нибудь приятное, одновременно внимательно изучая нас. Иногда мне чудилось, что ему все обо мне известно, хотя мы обменялись с ним не более чем десятком слов.

– Куда он денется, скоро явится. – Голос сестры вернул меня к действительности. – Расскажи лучше про свою работу! Что там с ней?

Я изложила в общих чертах историю с вызовом в кабинет большого босса, но при этом, не отрываясь, следила за входом в бар.

– У тебя серьезная проблема, Яэль! – объявила Жанна.

Я удивленно обернулась к ней, не выпуская из рук пивную кружку. На ее губах играла ехидная улыбка.

– В чем дело?

Я отпила глоток. Непонятно, что она имеет в виду.

– Придется тебе заняться своим прикидом, ничего не поделаешь! Прощайте кроссовки и джинсы. Ситуация изменилась!

Я подавилась пивом, забрызгав стойку. Алиса захлопала в ладоши и присоединилась к Жаннинному хохоту. Сама же Жанна никак не могла остановиться:

– Гениально, завтра будем играть в «Наряди куклу»!

Вот ужас!

– Нет! – воскликнула я. – Не хочу я маскарада!

– А я и не говорила о карнавальных костюмах! – возразила Жанна. – Я тебе найду офисные костюмы и лодочки в своем магазине. Будет в самый раз!

Я надула губы.

– Никогда! Ни за что не надену каблуки.

Мое выражение лица – насупленные брови, поджатые губы – вызвало всеобщий хохот.

– Что тут происходит?

Узнав низкий голос Марка, всегда звучавший так, будто он собрался объявить о какой-то катастрофе, я сразу же забыла о проблемах с гардеробом и обернулась к нему, снова расслабившись и заулыбавшись. Он приблизился к нам непринужденной походкой, пожал руку бармену и положил пачку табака на стойку. Затем зашел мне за спину, протянул руку у меня над плечом, стянул мою кружку, сделал большой глоток и подмигнул мне.

– Ну, и кто мне объяснит? Что мы празднуем? – не отставал он.

– У меня есть работа, – ответила я, широко улыбаясь.

Он искренне удивился и внимательно посмотрел на меня.

- И это хорошая новость? Ты собираешься вкалывать?

- Нет, я вовсе не хочу вкалывать, но все-таки мне эту работу так мило предложили, что я не могла отказаться! - со смехом возразила я.

- С тобой с ума сойдешь!

Он наклонился надо мной, едва ли не сложив пополам свои метр восемьдесят пять, и вперился в меня хитрым взглядом.

- Ну что, устроим сегодня вечер безумств?

- Yes!

- Ага, в честь Яэль угощаю всех! - сияя, объявил он.

Тут-то и началось настоящее веселье. Дальше был непрерывный хохот, сыпались шутки, неосуществимые планы один безумнее другого, алкоголь лился без остановки. Конечно, Адриан не мог не припомнить мое позорное выступление на прошлой неделе в клубе.

- Твой полет со сцены навеки останется в памяти у всех!

- А что я могу сделать, если эти песни вводят меня в транс?

Я подкупила диджея, чтобы он поставил подряд два моих самых любимых на тот момент хита: Murders On The Dance Floor и I Am Outta Love. Я пару раз ему подмигнула, пообещала позже выпить с ним и добилась своего, после чего устроила восьмиминутное представление. Вот только я слишком долго кружилась и из-за избытка алкоголя в крови свалилась в обморок и едва не скатилась со сцены. Марк подхватил меня, помешав разбить голову.

- А мне очень понравилось изображать спасателя, - заявил он.

– Еще бы, такой случай выпендриться, – ехидно заметила Жанна. – Кто еще сумел бы так выступить?!

– Стоп-стоп, если ты о пощечинах – я тут ни при чем! – поднял он руки вверх.

– Это взяла на себя я, – уточнила сестра. – Сколько времени я об этом мечтала!

– Ах ты, бессовестная! – закричала я, бросаясь на нее.

Этим вечером мы были единственными клиентами в «Эль Паис», что принесло нам маленький бонус: хозяин угостил нас тапасами. Мы накинулись на них, как голодные волки, и благодарили его с набитыми ртами. Позже Адриан предложил сыграть в дартс. Как обычно, я была в команде с Марком. Я стала его партнершей, когда мне надоело играть в паре с девушками, которые были в этом деле одна слабее другой. Победа осталась за нами. Пока Жанна и Алиса выслушивали упреки от любимых мужчин, я запрыгнула Марку на спину, и он отправился в торжественный круг почета по залу. Я держалась за его плечи, уперев подбородок ему в затылок. Так мы добрались до стойки.

– Хочу пить, женщина, – объявил он.

Я чмокнула Марка в щеку и, не слезая, подхватила кружку, дала ему глотнуть и сама выпила пива.

– Эй, детишки, – крикнул нам бармен, – ваш автобус придет через три минуты.

Я за две секунды скатилась с Марковой спины, он поймал меня и поставил на пол, не дав потерять равновесие.

– Караул! Консьержка! – завопила Жанна. По ее просьбе консьержка присматривала за Эммой, получая за это скидки на шмотки в Жаннином магазине.

Тут началась всеобщая паника, наши пальто летали по бару, мы выворачивали карманы, чтобы расплатиться за выпивку.

– Бегите-бегите, запишу на ваш счет, – поторопил нас бармен.

Я забежала за стойку и смачно расцеловала его в обе щеки:

- Ты такой лапочка!

- Яэль! Что ты вытворяешь? - завопил Седрик.

Естественно, одновременно протиснуться в дверь вшестером оказалось затруднительно. И когда пробка вылетела из бутылки, то есть когда мы выскочили на улицу, автобус уехал у нас из-под носа.

- Да блин же! - завопил Адриан. - Рванули!

Жанна, которую ждала дочка, уже бежала. Она мчалась как вихрь в своих легких балетках, а алкоголь наделял ее крыльями. Она догнала автобус на следующей остановке и уговорила шофера дождаться остальных. Марк вскочил последним, так и не выбросив сигарету, которая оставалась у него в зубах всю нашу безумную пробежку.

- Молодой человек! - возмутился водитель.

- Да-да, конечно, извините.

Он стал рыться в карманах и в конце концов извлек проездной.

- Вот, месье, у меня есть билет, - гордо заявил он.

- Вы что, издеваетесь?!

- Почему? - искренне удивился он.

- Сигарета, Марк! - крикнула я.

- Черт! Извините, месье.

Все захохотали, Марк швырнул окурок в открытую дверь, и автобус наконец-то тронулся. Его пассажирам дорога от станции «Сен-Поль» до площади Леона Блюма вряд ли доставила удовольствие, так как мы изрядно шумели. Моя жизнь была прекрасной, чудесной, я хотела всегда оставаться в компании этих пятерых, которых любила, и я обещала себе, что никогда с ними не расстанусь, что бы ни случилось. Жанна встряхнулась, как пес, на пороге дома на авеню Ледрю-Роллена – так она обычно делала, чтобы протрезветь, перед тем как предстать перед консьержкой. Мы крадучись пересекли двор и выстроились рядом у лифта, ожидая ее. Она присоединилась к нам с завернутой в одеяло Эммой на руках.

– Я подымусь первая, без вас, а то вы мне ее разбудите.

Никто не возражал. Она исчезла в лифте.

– Пошли пешком, – предложил Седрик.

Одолеть лестницу на четвертый этаж было не так-то просто, каждый из нас хотя бы по разу шагнул мимо ступеньки и врезался в стену.

Вечер продолжился в гостиной Жанниной крохотной двухкомнатной квартиры, мы оставались здесь до рассвета, пока Эмма спала сном праведницы в своей кроватке. Сигнал к отправлению подала Алиса:

– Пошли, – промурлыкала она, прижимаясь к Седрику. – Я больше не могу.

– Я тоже хочу спать, – поддакнула Жанна. – Тем более что нам нужно завтра быть в форме – нас ждет смена имиджа Яэль.

– О нет, молчи, не порть праздник! – простонала я.

– Провожу тебя, – предложил Марк. – А потом поеду домой на метро.

– Я не против.

Он вскочил и увлек всех за собой; правда, у нас заплетались ноги. Адриан рухнул на диван, согнувшись пополам от смеха. Марк выпрямил его и хлопнул по

плечу, прощаясь. Затем подошел к Жанне, которая просунула голову в дверь спальни, чтобы проверить, как там дочка. Он приобнял ее за плечи, тоже глянул на спящего ребенка и громко поцеловал Жанну в щеку. Это снова вызвало хохот: стоило Марку выпить чуть больше, чем надо, и ему обязательно требовался физический контакт, прикосновения. В ответ на наши насмешки он тряхнул головой и первым быстро сбежал по лестнице. Алиса, Седрик и я спустились вслед за ним, но гораздо медленнее. наших голубков покачивало, они поддерживали друг друга – нелегко им будет добраться до дому. К счастью, они жили всего в трех улицах отсюда. Марк ждал нас перед входом с самокруткой в зубах. Он обнял мою сестру и ее любимого и никак не мог оторваться от них, пока я не потянула его за рукав.

– Хватит уже, Марк! Ты завтра с ними увидишься! Пусть себе идут домой!

– Счастливо добраться, – пожелал он, провожая их взглядом.

– Думаю, справимся, – ответил Седрик. – Завтра позвоню. Пока!

До меня было недалеко, я жила в комнатухе под крышей на улице Рокетт, по соседству с метро «Вольтер». Улицы потихоньку просыпались, а когда мы шли мимо булочной, наших ноздрей коснулся соблазнительный аромат круассанов и горячего хлеба, и у меня в животе забурчало.

– Круто было сегодня, – прервал молчание Марк.

– Охотно повторила бы вечером! Ты как? – предложила я, ткнув его локтем в бок.

Он пожал плечами:

– Ты заполучила работу! Подумать только! Улетная новость.

– Откуда ты знаешь, что я пройду испытательный срок?! Поговорим об этом через три месяца!

Он как-то загадочно покосился на меня, на ходу скрутил новую сигарету, зажег ее и стал затягиваться как сумасшедший. Мы больше не произнесли ни слова.

- Ну вот, ты доставлена по назначению.

Я подняла на него глаза, и мы долго глядели друг на друга. Я почувствовала, что он хочет что-то сказать мне, но не решается.

- Зайдешь выпить кофе? – предложила я и потянула за полу его вельветового пиджака. – Заодно возьмешь свой билет на Бена Харпера во вторник.

- Ой... да, действительно, концерт...

- Ты забыл? – надулась я.

На мгновение я заметила в его взгляде боль. Потом он мне улыбнулся:

- Нет... но пусть он будет у тебя, я могу его потерять, с меня станется!

Я успокоилась, засмеялась, ухватила его за руку и потащила к входной двери. И ощутила сопротивление.

- Мне надо идти, – заявил он. – Не смейся, я обещал деду позавтракать с ним.

Я не удивилась. Его отношения с дедом – нечто уникальное, дед для него кумир, меня это всегда приводило в восторг. Хотела бы я получше узнать его необыкновенного Абуэло. Марк швырнул окурок на тротуар и обнял меня – мне тоже причиталась его прощальная ласка, вот только меня он прижал к себе крепче, чем других, и уткнулся лицом мне в шею.

- Береги себя, Яэль, – прошептал он.

- Мне осталось подняться на шестой этаж, – так же тихо ответила я. – Хочешь удостовериться, что со мной ничего не случилось, мое приглашение в силе. Могу даже позвонить твоему дедушке и попросить разрешения...

- Не искушай меня... не сегодня...

Я засмеялась, по-прежнему прижавшись к нему. Он поцеловал меня в щеку, разжал руки и отступил на несколько шагов.

– Скажешь, что планируешь на сегодняшний вечер? – попросила я.

– Иди! Пора спать!

Он настойчиво посмотрел на меня, улыбнулся, вздохнул, развернулся и ушел. Я поднялась на свой шестой этаж, чувствуя себя абсолютно счастливой, рухнула на кровать прямо в одежде и заснула, как только голова коснулась подушки.

Глава вторая

Десять лет спустя

Ковровое покрытие коридора – полезная вещь: когда я вышагиваю по нему взад-вперед, оно скрадывает стук каблуков, и головная боль, виновница которой моя сестра, хотя бы не усиливается. Я односложно отвечала ей, чтобы сэкономить силы, а она продолжала кудахтать, явно не считаясь с тем, что отнимает у меня время. Меня ждали на собрании, а Алиса не понимала, как можно работать в полвосьмого вечера, и последние пять минут болтала без умолку, требуя, чтобы я к ней приехала. И никак от нее не избавиться!

– Яэль, умоляю тебя, приезжай к нам на ужин, дети ждут не дождутся. Мы не видели тебя уже несколько недель.

Я закатила глаза и сжала зубы.

– Сколько раз тебе объяснять? Я должна...

– Работать, – выйдя из себя, перебила она. – Да, знаю! Ты не способна говорить ни о чем, кроме работы!

Так я и поверила. Знай она это на самом деле, не позвонила бы, чтобы грузить разговорами о детях! Я остановилась и сжала кулак.

– Вот-вот, а ты меня задерживаешь, из-за тебя я опаздываю! Меня ждут. Поговорим позже.

Я отключила наушник, не позволив ей вставить ни слова. Глубоко вздохнула, чтобы успокоиться и сконцентрироваться, в чем я крайне нуждалась. Как только сердцебиение немного утихло, я направилась к переговорной и толкнула дверь, удерживая как можно более бесстрастное выражение лица.

– Извините, меня задержали.

Они понимающе кивнули, а я села рядом с англичанином, будущим счастливым покупателем заброшенного завода в глухой провинции. И он сам, и его французские адвокаты ликовали по поводу представившегося случая общипать нынешнего владельца, не нарушая закона. Меня это все не касалось. Я села слева от англичанина и чуть позади, скрестила ноги и слегка наклонилась, чтобы быть ближе к его лицу. С этого момента слова адвокатов обеих сторон будут входить в мои уши на французском языке и выходить из моих уст по-английски в форме тихого шепота. Честно говоря, я совершенно не вдумывалась в то, что произношу, смысл слов был для меня вторичным, моя задача заключалась в том, чтобы передать информацию, и только в этом. Сама ситуация и стоящие на кону ставки не имели значения, главное, я должна переводить все подряд, независимо от того, в связи с чем клиенты обратились в нашу компанию.

Два часа спустя контракты были завизированы и подписаны. На лицах всех присутствующих расцвели усталые, но удовлетворенные улыбки, в которых читалось облегчение. У меня гудела голова, но я должна была сопровождать их в бар отеля, где проходили переговоры, чтобы отпраздновать успех. Когда один из адвокатов протянул мне бокал шампанского, двусмысленно подмигнув, я ответила ему холодным взглядом: здесь я только выполняю свою работу. А что этот придурок вообразил? Я собой не торгую. После стольких часов, проведенных за одним столом, некоторые позволяли себе возомнить, что в обязанности переводчика входит и ублажение клиентов. Жалкие типы! Мой рабочий день заканчивается, теперь они в состоянии общаться без моей помощи – все достаточно владеют английским, чтобы обмениваться взаимными поздравлениями по поводу успешного завершения дела. Из вежливости я пригубила шампанское, попросила бармена вызвать такси и, поставив бокал на

стол, обернулась к довольным собой мужчинам. Я пожала им руки и направилась к выходу. Шон, британский клиент, догнал меня, когда я входила в вертящуюся дверь отеля. Я тяжело вздохнула и остановилась. Как всегда, я до конца вела себя профессионально.

– Яэль, ваша помощь сегодня была крайне полезна. Ваши услуги понадобятся мне в ближайшие недели, – сладко прошелестел он.

Только этого не хватало! В глубине души я мечтала поскорее уйти и едва скрывала нетерпение. Шон – постоянный клиент, им занимаюсь только я, согласно его требованию, не подлежащему обсуждению. Он вбил себе в голову, что между нами установились некие особые отношения, и все потому, что однажды я допустила слабость и сообщила ему, что моя мать англичанка, как и он.

– Обратитесь к Бертрону, и мы составим для вас расписание.

Он улыбнулся и слегка покачал головой, делая вид, что не понимает. Сунул руку в карман, оглядел меня с ног до головы, на лице его застыла улыбка записного соблазнителя.

– Яэль... я хотел сказать... было бы проще и вам, и мне... Мы могли бы договориться без него, и ваш гонорар от этого только выиграет.

Эту фразу я знала наизусть: он выдавал ее всякий раз, когда я работала у него переводчиком. Новый нюанс заключался в том, что сегодня он упомянул деньги.

– Обратитесь к Бертрону, – решительным тоном сухо повторила я.

Он хмыкнул. До него дошло. Наконец-то!

– Ваша лояльность хозяину и впрямь непоколебима.

Я выпрямилась и сделала шаг к нему.

– От этого зависит качество наших услуг, Шон. Я незамедлительно сообщу Бертрону о вашей просьбе, – бесстрастно пообещала я.

– Был бы рад иметь таких, как вы, сотрудников.

Похоже, он никогда не отстанет от меня! Что ж, такова обратная сторона медали, я – лучшая.

– Я не свободна, и вам это известно. Хорошего вечера.

Тут подъехало такси, я в последний раз окинула его холодным взглядом, села в машину и назвала водителю адрес. Застегнув ремень, я не стала любоваться Парижем – дорогу от отеля «Пульман» на Монпарнасе до своего дома я знала наизусть. Я вытащила из сумки телефон. Алиса доставала меня эсэмэсками, умоляя приехать хотя бы в следующее воскресенье днем. Ладно, сделаю свое Доброе Дело, и меня оставят в покое на несколько недель. Я ответила сестре и смогла наконец заняться почтой. За последние часы Бертран переслал мне более двух десятков писем по поводу организации поездок клиентов, поиска квартир для них, новых переговоров. Мне это нравилось.

В моей работе никогда не бывало простоев. Я постоянно переключалась с собственно переводческой деятельности на агрессивное завоевание новых заказчиков, а через час на планирование и организацию «под ключ» всех деталей пребывания в Париже очередного клиента. Даже когда выдавалась передышка, я не тратила ее на бутерброд, а использовала, чтобы напомнить о нас клиентам, узнать, что у них нового и не требуются ли им наши услуги. Только услышав, как шофер просит расплатиться, я поняла, что приехала к себе, на улицу Камброн в XV округе.

Изначально моя квартира была самой что ни на есть типичной для этого района: покоробившийся паркет, пожелтевшая потолочная лепнина, старый мраморный камин, годный лишь на то, чтобы собирать пыль. Когда я вошла в нее в первый раз, мне хватило нескольких минут, чтобы оценить ее потенциал и понять, что в ней я буду чувствовать себя дома, – естественно, после кое-какого ремонта. Я все заменила: стены обшили гипсокартоном и выкрасили краской чистейшего белого цвета, паркет обновили и покрыли лаком, чтобы уход был простым и эффективным, камин убрали, заменив большим стенным шкафом. Мое жилье должно быть практичным, хорошо организованным, чистым. В гостиной я поставила диван, больше похожий на широкую скамью: покупая его, я отказалась от подушек: как можно работать развалясь?! Перед диваном стоял

низкий столик из плексигласа, его прозрачность успокаивала меня, и с виду он как бы не занимал места. Я приобрела телевизор с системой Hi-Fi, его установил мастер, я смотрела по нему только круглосуточные новостные каналы. Не помню, чтобы после переезда я хоть раз включала музыку; инструкцию, которая хранилась в специальном пластиковом конверте вместе с гарантийным талоном, я никогда не открывала. В прихожей имелся только маленький стол на одной ножке с плоской для ключей, а также вешалка, и этого было вполне достаточно. Что до спальни, то там стояла лишь кровать, застилаемая исключительно белым бельем, и прикроватная тумбочка с зарядным устройством для телефона. Для кухни со встроенной техникой я все же приобрела набор посуды – ее я распаковала, но ни разу не использовала. Вечером, вернувшись с работы, я садилась на свой диван-скамью и внимательно оглядывала белый интерьер, сверкающий больничной чистотой: мне было комфортно – порядок успокаивал меня.

Вечером я ужинала, поглядывая одним глазом на телевизор с включенным информационным каналом, а другим на экран MacBook Air. Передо мной был суп мисо, на десерт я собиралась съесть яблоко Грэнни Смит. Сегодняшние новости были не особо интересными, но я обязана оставаться в курсе всего происходящего, чтобы оперативно реагировать на запросы наших клиентов, занимающихся финансовыми спекуляциями. Было уже поздно, а поскольку завтра меня ждал нелегкий день, засиживаться не стоило. Я все же сумела выкроить в своем перегруженном распорядке дня пятнадцать минут передышки и использую их для головной уборной своей ассистентке. Дуреха нарушила порядок на моем письменном столе, переложив одну папку не в ту стопку! А ведь я уже сколько месяцев талдычу, что она не должна прикасаться к чему бы то ни было на моем столе. Я положила миску, тарелку и оба прибора в посудомоечную машину и включила ее. Какая мерзость – оставлять грязную посуду, которая к тому же воняет. Я налила себе большой стакан ледяной минеральной воды и пошла в спальню. Домработница сменила постельное белье и полотенца, как положено: она делала это два раза в неделю. Я вынула из шкафа свои лубутены, поставила их на полку и приготовила на завтра костюм, а также пакет с принадлежностями для бассейна. Сегодняшние вещи отправились в корзину с грязным бельем. Я разделась и с заколотыми волосами встала под душ. Прикосновение холодных плиток пола и ледяной воды доставило мне удовольствие, я долго и тщательно мылась. Потом, чувствуя себя чистой, сухой и взбодрившейся, взяла электрическую зубную щетку и занялась зубами. Как каждый вечер, после щетки в ход пошла зубная нить – нужно удалять мельчайшие остатки пищи. Когда результат удовлетворил меня, я занялась

волосами. Наконец-то освободила их, они упали на спину, и я старательно расчесывала их щеткой, пока они полностью не разгладились. Затем надела чистую пижаму и забралась в постель. Сначала я присела на край, открыла тумбочку, вынула пластинку снотворных, запила таблетку холодной водой и поставила будильник мобильного телефона на шесть тридцать. Потом нырнула под одеяло и подоткнула его со всех сторон – мне нравится спать именно так. Можно выключать свет. Я устала в потолок, используя полчаса до того, как подействует снотворное, чтобы мысленно пробежаться по завтрашнему расписанию.

Я проснулась в шесть двадцать восемь, как каждое утро. Когда в шесть тридцать зазвенел будильник, я встала. Как обычно, скрепила волосы резинкой и надела спортивный костюм. Прошагала по квартире с сумкой через плечо, взяла со столика ключи, захлопнула дверь и спустилась по лестнице. Опять же как обычно, пробежалась от дома до бассейна и, как всегда, была на дорожке первой, точнее, единственной. Арендванная кабина ждала меня. Я быстро переоделась, спрятала телефон в водонепроницаемый чехол и закрепила его на руке. Натянула уродливую купальную шапочку, без которой, увы, не обойтись, надела плавательные очки, взяла зажим для носа и прошествовала к бассейну в гордом одиночестве – остальные посетители явятся позже. С помощью купюры, ежемесячно выдаваемой здешнему работнику, я попадала в бассейн через служебный вход: дезинфицирующие ванночки, которые, как известно, кишат микробами, вызывают у меня отвращение. В семь десять я нырнула в безлюдный и тихий бассейн. Последующие сорок минут я без остановок плавала кролем, лишь фиксируя, сколько раз телефон на моей руке начинал вибрировать. Вибрация в семь пятьдесят была сильнее предыдущих, и тогда я доплыла до конца дорожки и вышла из воды. Я прошагала по своему переходу и открыла кабину, переоделась, после чего совершила пробежку до дома и поднялась бегом по лестнице. Телевизионные новости сопровождали рутинные утренние хлопоты. После душа я надела узкую черную юбку и кремовый топ, старательно выбранные накануне. Тщательно расчесала волосы и туго затянула их в строгий узел. Чтобы за день ни одна прядь не выбилась из него, я покрыла прическу лаком. Затем пришло время макияжа: сначала дневной крем, поверх него – тональный и пудра, чтобы кожа оставалась матовой весь день. Даже едва заметный блеск кожи неприемлем, он придает лицу неряшливый вид. Я чуть затемнила тенями веки, слегка подвела их карандашом и накрашила ресницы, подчеркнув выразительность моих зеленых глаз. Последний штрих – матовый прозрачный бальзам для губ. Замарашке, которой я была в прошлой жизни, пришлось брать уроки у профессионалов, научивших меня выгодно подавать

свою внешность и ухаживать за телом. Дважды – ни больше ни меньше – нажать на спрей, брызнув мой неизменный парфюм Un jardin sur le toit. Я надела костюмный пиджак и вышла на кухню. Стоя, опершись о стол, я проглотила энергетический батончик со злаками и чашку эспрессо из кофеварки и вышла из дома. Такси дожидалось у входа. Идеальный хронометраж, порадовалась я, устраиваясь на заднем сиденье с телефоном в руке.

Агентство Бертрана располагалось в здании недалеко от метро «Миромениль». От османовского стиля внутри мало что осталось. Когда пять лет назад Бертран въехал в эти триста квадратных метров, он снес все внутренние стены. Никакого вестибюля, офис open space даже без низких перегородок между рабочими местами сотрудников. Коридор расширялся, переходя в служебную зону. Письменные столы были расставлены попарно. Обособленность личного пространства более чем относительная, следует признать. Шеф, единственный, у кого имелся кабинет, огороженный прозрачными стенками, мог постоянно наблюдать за нами. Я сидела ближе всех к нему, а последнее продвижение по службе позволило мне занять отдельный письменный стол – отсюда я могла следить за работой своей ассистентки. Организация нашего интерьера была точной копией американских офисов, в одном из которых Бертран проработал довольно долго в конце девяностых – начале двухтысячных. У нас также имелась небольшая кухня с запасами зеленого чая, овощных соков и разных сортов кофе. В полдень нам доставляли подносы суши, салаты и супы био, потому что Бертран всех нас, одного за другим, сделал такими же, как он, приверженцами здорового питания и бескомпромиссно здорового образа жизни. Наше рабочее пространство было хорошо освещенным, комфортным, эргономичным, чтобы мы чувствовали себя в офисе как можно лучше. Бертран прав, здесь мы проводим большую часть нашей жизни. Он не экономил ни на высокотехнологичных материалах, ни на соответствующем оборудовании. У нас были все необходимые компьютеры, планшеты и телефоны новейших моделей, что позволяло оставаться на связи с агентством круглосуточно семь дней в неделю.

За десять лет маленькое консультативно-переводческое агентство, в котором я была на преддипломной практике, кардинально изменилось: число сотрудников выросло втрое, теперь нас в штате было пятнадцать человек, в основном французов, которые делились на две группы: тех, кто говорит, и тех, кто пишет. Письменные переводчики зачастую снабжали агентство новыми заказами, не прилагая к этому никаких дополнительных усилий, потому что неотлучно сидели

в офисе. Точность и мастерство их переводов заставляли заказчиков, однажды обратившихся в агентство, становиться постоянными клиентами и приносили нам новые контракты. Этому способствовали и компетентные советы по составлению договоров от наших двух юристов. Репутация и профессионализм фирмы подталкивали клиентов к принятию благоприятного для нас решения, а мы с Бертраном дожимали их. Потому что, помимо умения легко переходить с одного языка на другой и обратно, мы предлагали иностранным клиентам целую гамму услуг по сопровождению и организации деловых поездок. Моя позиция в агентстве была ключевой, поскольку я теперь не просто работала переводчиком, в мои задачи входило и добывание контрактов, и продвижение – словом, «налаживание деловых связей», как говорится. Мои знания бизнеса и англоязычной культуры позволяли мне переводить переговоры практически в любых сферах деловой активности. Спасибо школе коммерции! Плюс унаследованный от матери английский – он обеспечивал мне доступ ко всему миру. Мой клиентский портфель был самым значительным. Я переключалась со страдающего агорафобией ученого, который покидает свою лабораторию не чаще двух раз в год ради участия в семинаре, на богатого бизнесмена, не реже раза в месяц летающего частным самолетом на другой конец света, чтобы убедиться, что его капитал дает приплод. Кроме того, когда Бертран бывал занят или считал, что в какой-то ситуации требуется мое идеальное двуязычие, он доверял мне своих самых крупных клиентов. В таких случаях мы с ним работали в паре. Следствием нашего тесного сотрудничества являлось уважение коллег, которые одновременно побаивались меня, что меня вполне устраивало. Я была в восторге, когда появлялась на экономической конференции, сопровождая очередного клиента, и слышала перешептывание за своей спиной. Да, мне завидовали, меня боялись и меня всячески обхаживали. Я была самой давней сотрудницей агентства, текучесть кадров в котором была довольно значительной. Я честно пыталась понять причины, по которым сотрудники покидали корабль, и всякий раз меня поражало, как они могут выбрать приоритетом не профессиональную жизнь, а свободное время, детей и бог знает что еще. Как можно оставить такую работу?! С годами наш бизнес рос, адресная книга распухала, и мы постоянно думали о расширении ассортимента услуг. Теперь мы уже не ограничивались англоговорящей частью мира. Трое из нас занимались Азией, еще двое всей Восточной Европой, а также Германией. Когда Бертран привлек в качестве клиентов процветающих промышленников из Рурской области, наши зарплаты резко подскочили.

Я смотрела в монитор, прихлебывая кофе, принесенный ассистенткой, когда вошел Бертран, он прислушивался к голосу, который доносился из его наушника.

Лет пятьдесят, спортивная фигура, квадратная челюсть, седеющие виски, всегда безупречен в неизменном черном костюме. За десять лет он не изменился, в отличие от меня. Взгляд его голубых со стальным отливом глаз обежал орен срасе, выискивая возможные признаки безделья, потом остановился на мне. Кивком головы он пригласил меня в кабинет.

Бертран расхаживал взад-вперед с включенным телефоном. Я села к столу.

– Как вчера прошло? – спросил он, завершив разговор и останавливаясь перед компьютером.

Что за вопрос!

– Отлично, – невозмутимо ответила я.

Ничего удивительного, я в себе уверена. Он устроился поглубже в кресле и сцепил пальцы под подбородком. Вид у него был сосредоточенный, но удовлетворенный.

– Он опять звал тебя к себе на фирму?

Я ограничилась кивком. Губы Бертрана сложились в злую улыбку.

– Для бизнеса это хорошо.

Он выпрямился и стал излагать следующее задание, проверяя, готова ли я к нему. Мне предстояло обаять американцев, баснословно разбогатевших на сланцевом газе и мечтавших вложить свои деньги во Франции, в частности в парижскую недвижимость. Моя роль заключалась в том, чтобы переводить переговоры с риелторами и тем самым помочь им осуществить свою драгоценную мечту.

– Я рассчитываю на тебя, – подвел он итог, впившись в меня жестким и решительным взглядом. – Выложись по полной. Если ты пробьешь для них эту сделку по недвижимости, мы сможем получить все обслуживание их бизнеса во Франции сейчас и в будущем. Замечу, они занимаются не только сланцевым газом.

Он выразительно посмотрел на меня.

– Можешь сама представить, чем грозит провал...

В моих жилах звенел адреналин.

– Я и собиралась выложиться по полной, – ответила я довольно бесстрастно.

– Я на тебя всегда рассчитывал.

Его телефон завибрировал: наша беседа закончена.

Я арендовала машину представительского класса с водителем и поехала за клиентами в отель. Для них было запланировано шесть встреч. Всю вторую половину дня я возила их из агентства в агентство, наши партнеры из самых солидных фирм, занимающихся жильем, расстилали перед ними красную дорожку и знакомили со своими каталогами. Беспроектный вариант. Похоже, я пользовалась полным доверием американцев, они охотно ездили всюду, куда я предлагала, и попутно описывали во всех подробностях свои потребности, пожелания и обязательные условия. Я постоянно делала пометки в блокноте, с которым не расставалась.

По окончании последней встречи я пригласила их на ужин. Я заранее заказала столик в ресторане с мишленовскими звездами и послала такси бизнес-класса за спутницами клиентов, тоже приехавшими в Париж. За ужином я то и дело переходила от обсуждения вопросов бизнеса к более легким беседам и обратно. Нельзя не уделять внимание женам, которые часто сопровождают супругов в поездках – как по их просьбе, так и по собственным делам. Мы должны их занять, подарить ощущение своей значимости, тщательно выстроить женскую программу. Ведь женщина, чувствуя себя брошенной мужем-бизнесменом, способна сорвать историческую сделку. Учтя этот фактор, я однажды в последнюю минуту спасла контракт самого давнего клиента Бертрана. Впрочем, за ту историю я была вознаграждена повышением. Я всегда информировала дам, что в следующий приезд мы готовы сопровождать их на шопинг или, если кому-то понадобятся гиды, познакомить с лучшими парижскими профессионалами. Иногда мы брали на себя предоставление полного набора консьерж-услуг самого высокого уровня. Это маленькое дополнение к обычному сервису пользовалось

огромным успехом, в особенности у таких женщин, среди которых, кстати, было довольно много бизнес-леди, что помогало нам установить особые отношения, не ограничивающиеся подписанием контрактов. Внедрение в личную жизнь клиентов являлось особым отличием нашего агентства от конкурентов.

Вернувшись домой незадолго до полуночи, я не забыла ответить на мейл Бертрана, который для порядка беспокоился, как я выполнила задание.

Бертран!

Готовые контракты будут лежать на столе в переговорной завтра в 15.00. Наши новые клиенты хотели бы встретиться с Вами в момент подписания.

До завтра,

Ваша Яэль.

Я не спускала глаз с экрана, и вскоре, естественно, появился его ответ:

Договорились, завтра буду.

Перед душем я перенесла в компьютер свои заметки и техническую справку на новых клиентов – информацию, которую они мне предоставили, а также все их привычки и предпочтения, подмеченные мной. Я всегда так поступаю: они говорят, говорят и говорят, раскрываются, ни на секунду не подозревая, что я все фиксирую, чтобы надежнее приручить их, постепенно стать незаменимой и привязать к нашему агентству. У каждого сотрудника имелся доступ к этим документам, хранящимся в нашей базе данных, что помогало избегать оплошностей.

Назавтра, скрупулезно проверив, все ли надлежащим образом подготовлено, я ровно в 15.00 пригласила новых клиентов в переговорную. Когда все расселись, я прочла контракт, составленный коллегой из юридической службы, и пункт за

пунктом разъяснила предоставляемые услуги, назвав их стоимость. Бертран появился прямо перед тем, как я протянула им ручки. Он обменялся со всеми рукопожатиями, не забыв хлопнуть каждого по плечу на американский манер и тем самым намекнуть на их давнее знакомство. Бизнесмены не пожалели комплиментов в мой адрес, но я оставалась невозмутимой, как всегда, когда такое случалось. Мое правило – никогда не демонстрировать самодовольство.

– Вами занимается наша лучшая сотрудница, – твердо заверил Бертран. – Я знал, что делаю, когда передавал вас в профессиональные руки Яэль.

Произнося эти слова, он ни разу не взглянул на меня. Как, впрочем, и американцы. Я – прозрачная, но тем не менее незаменимая деталь механизма. Когда дверь лифта закрылась за пребывающими в восторге новыми клиентами, Бертран обернулся ко мне, не вынимая руки из кармана.

– Молодец, Яэль! Так держать, – непринужденно произнес он.

Впервые за последние два дня я позволила себе улыбнуться.

Глава третья

Как только у моей сестры Алисы и Седрика, ставшего к тому моменту ее мужем, родился ребенок, они похоронили себя в пригороде, в частном доме с качелями и детской горкой в садике. Для поездок к ним я брала напрокат электромобиль в Autolib', чтобы не мучиться в общественном транспорте. Я впадала в уныние всякий раз, когда ехала по улице, уставленной одинаковыми домиками – пристанищем семейного счастья, где соседу досконально известно обо всем, что происходит у вас. Ничего удивительного: если высота забора не превышает рост ребенка, о какой приватности может идти речь! Впрочем, именно ради детей они приняли решение уехать из тридцати пяти парижских метров и обзавестись взамен крохотным садиком и спокойствием. Как по мне, такой выбор был непостижимым, даже пугающим. При одной мысли о возможном вмешательстве славных соседей в мою частную жизнь я покрывалась гусиной кожей. Но при чем тут я и мое мироощущение, главное – их счастье, и они нашли его здесь.

Подъезжая к ним, я притормозила. Почему возле дома припаркована машина Адриана и Жанны? Еще подозрительнее – воздушные шарик, развешанные на входной двери и воротах. В какую ловушку я угодила? Не успела я позвонить, как вышла сестра с широченной улыбкой на лице и с сияющими глазами и кинулась меня обнимать. Можно подумать, мы несколько лет не виделись. Не стоит все же преувеличивать! Она сомкнула руки на моей спине, ее светлые волосы щекотали мне нос. Алиса крепко прижала меня к своему мягкому, состоящему из материнских округлостей телу и держала так долгие секунды, как мне показалось. Не отдавая себе в этом отчета, сестра излучала мощный заряд чувственности. Причем вопреки тому, что, по моему мнению, уделяла себе недостаточно внимания, целиком посвящая себя детям и работе воспитательницы. Алиса и мир детей! Нескончаемая история любви!

– Ой, а я боялась, что ты не приедешь! – выдохнула она с облегчением.

Я высвободилась из ее удушающих объятий.

– Да ладно! Я же обещала, что приеду! А это что? – спросила я, показывая на шарик. – Поменяли декор?

Алиса съежилась. Похоже, только что я допустила серьезный промах.

– Ох, только не говори, что забыла... ладно, как есть, так есть... ничего страшного. Ты приехала... уже хорошо, на этом и остановимся.

– Забыла о чем?

– Яя! – раздался возбужденный детский голосок.

Алиса отодвинулась, чтобы пропустить сына, который летел к нам на бешеной скорости, будто пушечное ядро.

– Мариус, я же говорила тебе, ты слишком большой, чтобы так меня называть, – напомнила я.

Меня раздражало это дурацкое прозвище, слыша его, я ощущала себя девчонкой, которую давно переросла. Племянник повис на мне, я неловко

похлопывала его по плечам.

– Яя, видела шарики?! Они для моего дня рождения, вчера ко мне на праздник приходили друзья. Круто, да?!

Я расстроено обернулась к Алисе, невозмутимо наблюдавшей за нами. Она тихонечко покачала головой, словно говоря «не обращай внимания». Я быстро посчитала в уме.

– С днем рождения! Семь лет – это серьезно, ты теперь уже взрослый.

Моя сестра решила переключить нас на другую тему и громко объявила о моем приезде. Когда я увидела всех в гостиной, первым желанием было побыстрее убраться отсюда. В голове медленно, но верно запульсировала боль. Адриан, Жанна и их двенадцатилетняя Эмма тоже приехали на праздник. С ними я не встречалась около двух месяцев. И в этот раз, как при каждой новой встрече, передо мной стояла какая-то совершенно другая девочка – так быстро выросла их дочь. В этом возрасте дети активно растут. Зато она вела себя тише, чем родители, и ее голос я слышала крайне редко. Седрик по-братски расцеловал меня и подмигнул, как бы тоже призывая не беспокоиться. Леа, младшая сестра Мариуса, ограничилась робким поцелуем: она меня побаивалась, не понимаю почему.

Ну вот, компания в полном сборе... или почти, потому что кое-кого все же не доставало. Связи между нами, пятью оставшимися, не разорвались. По крайней мере, между обеими счастливыми семьями. Моя жизнь была настолько другой... Я существовала наедине со своей работой и, насколько возможно, избегала встреч «в кругу близких», чтобы не тратить попусту время и энергию. Адриан отвлек меня от воспоминаний.

– Ого, пропащая душа объявилась! – воскликнул он, хлопнув себя по бедрам. – Ты сегодня снизошла до выезда за пределы кольцевой дороги?

Я шумно вздохнула. Сейчас он примется меня доставать!

– Не начинай!

Он подавил смешок.

– Похоже, у нашей бизнес-вумен отличное настроение. – Он никак не хотел угомониться.

– Адриан, оставь ее в покое! – вмешалась Жанна. – Каким же он может быть занудой!

Жанна всегда старалась смягчить тяжелый юмор своего дражайшего супруга и находила ему оправдания даже тогда, когда он переходил все границы. Она была великим мастером сглаживать углы и вечно выручала его. Я очень любила Адриана, но никогда не понимала, как она его выносит!

– Это не помешало тебе выйти за него замуж!

Она расхохоталась и подошла, чтобы тоже поцеловать меня. Я не лезла в бутылку, предпочитая спускаться на тормозах споры по поводу моей работы. Поэтому я отправилась на кухню к Алисе. Я чувствовала себя неуклюжей посреди царящего у сестры беспорядка и боялась по неловкости сотворить что-то непоправимое. Она вставляла свечи в торт домашней выпечки, украшенный красивее новогодней елки руками волшебницы и образцовой матери семейства.

– Алиса, прости, что забыла...

– Он счастлив, что ты пришла, поэтому ничего не заметит. Знаешь, я подозревала, что такое может случиться, и подготовила почву...

Она подошла ко мне, обхватила мое лицо ладонями и окинула нежным взглядом голубых глаз. Потом улыбнулась своей удивительной улыбкой, секрет которой был известен только ей и нашей маме. Именно так улыбалась мама, когда нам в детстве случалось набезобразничать, а у нее не получалось рассердиться. Я знала, что сестра обижается на меня, сомнений быть не могло. Однако мы никогда не ссорились, соблюдая молчаливый уговор, заключенный еще когда мы были подростками. Несмотря на это, я с недавних пор понимала, что между нами нарастает напряжение, но ничего не могла поделать.

– Я тоже счастлива, – сказала она. – Я скучаю по тебе, сестричка.

Я сделала шаг назад:

– Ну послушай, о чем ты говоришь?! Мы виделись в прошлом месяце! И вообще, я приехала не для того, чтобы выслушивать душеспасительные тирады.

На ее лице проступило разочарование.

– Однажды мне все же придется встретиться с твоим начальником – хочу понять, что он сотворил с Яей, ласковой любительницей веселых выходов.

Ее замечание вызвало у меня улыбку. Моя сестра... Постепенно, с течением жизни, наши различия углублялись, но она оставалась моим маяком, моим якорем. Я не могла себе представить мир без нее, свое существование без нее. Мне нужно знать, что она где-то недалеко, пусть я даже с ней не встречаюсь. У меня нет времени, которое я бы могла посвятить ей, но всегдашнее присутствие сестры в моей душе мне необходимо. Мы с ней всегда были как пальцы одной руки, маленькая разница в возрасте не имела значения, мы всегда все делали вместе... ну, или почти все. Ее брак с Седриком ничего не изменил; этот длинный худющий брюнет, который делал ее счастливой, стал моим братом. Шли годы, а он по-прежнему считал Алису восьмым чудом света, и для меня только это имело значение.

– Где вы там? – позвал нас Седрик. – Он уже весь извелся.

Алиса подхватила именинный торт и запела Happy Birthday с чистым английским произношением. Она прошла мимо меня, я последовала за ней в гостиную и прислонилась к стенке, чтобы было удобнее наблюдать: вот Мариус между матерью и отцом, Леа на руках у отца, напротив – наши друзья, они расппевают во весь голос. Мариус задул свечи и стал разворачивать подарки, а я почувствовала, как мой телефон безостановочно вибрирует в кармане джинсов: посыпались электронные сообщения. Сестра, словно бы по чистой случайности, протянула тарелку как раз в тот момент, когда я решила просмотреть их. Кусок шоколадного торта заставил меня скривиться, и я собралась отказаться. Но Алиса меня опередила:

– Послушай, мои возможности все улаживать не беспредельны, – предупредила она. – Я положила малюсенький кусочек, притворись по крайней мере, что тебе понравилось!

Спорить было бесполезно, ее взгляд утратил мягкость. Я протянула руку и подхватила тарелку, усердно стараясь стереть отвращение, написанное на моем лице.

- Спасибо...

Зазвонил домашний телефон, и Алиса сняла трубку. Наши родители, естественно, не забыли поздравить внука с днем рождения. Я воспользовалась тем, что их звонок всех отвлек – поковырялась ложкой в торте и отставила тарелку в сторону. Когда папа, работавший архитектором, вышел на пенсию, они продали парижскую квартиру, в которой мы выросли, и, воспользовавшись падением цен на жилье в Португалии, купили дом с видом на море в нескольких километрах от Лиссабона. Сестра, держа телефонную трубку возле уха, знаками предложила мне поговорить с ними, но я отказалась, энергично покачав головой – тем хуже для мигрени, – и недовольно посмотрела на нее. Я предпочитала ежевечерне писать им и тем самым избегать тысячного приглашения на уикенд. Они, как и сестра, не понимали, почему я столько работаю. Мои приоритеты раздражали их, а мне больше всего действовало на нервы всеобщее нежелание признать важность моей работы.

Следующий час стал сплошным мучением: можно подумать, что других тем, кроме детей, нет! Внешкольные занятия, разные мероприятия, болезни, забавные детские высказывания и т. д. и т. п. И если обсуждение на минуту стихало, то лишь для того, чтобы попросить очаровательных золотоволосых ангелочков не так вопить, а то не слышно, как родители о них рассказывают. Моя голова и уши изнемогали. Я сидела на краешке дивана, заваленного игрушками, которые впивались мне в спину, и в конце концов не выдержала – вытащила из кармана телефон. Я оказалась права. Бертран прислал мне несколько важных сообщений: он хотел, чтобы завтра я весь день его сопровождала. В связи с этим он направил мне досье, с которым следовало как можно быстрее ознакомиться. Я заранее почувствовала усталость: теперь придется отложить другие дела, и будут проблемы с уже назначенными встречами. Мне досталась бестолковая ассистентка, не умеющая планировать расписание и находить решения, которые бы всех устраивали. После нее приходилось все переделывать.

- Яя, у тебя есть в телефоне игры? – Мариус потянулся измазанными шоколадом руками к моему шестому айфону.

Я подняла руку вверх и в последний момент спасла мобильник от грозившей ему гибели.

- Нет. Мне некогда играть.

- Но...

Пусть он отстанет! Я поднялась с дивана, резче, чем хотела. Мариус плюхнулся на освободившееся место. Нет, он никогда не оставит меня в покое...

- Мне пора, - объявила я.

- Уже? - для порядка изумилась Алиса.

Только не это! Сестра не должна меня уговаривать и удерживать. Впрочем, она поняла, что сражение проиграно заранее.

- Мне надо...

- Работать! - хором закончили Седрик и Адриан.

Все, кроме меня, расхохотались. Даже Алиса прыснула. Я всех чмокнула и направилась к входной двери. Сестра пошла за мной с дочкой на руках.

- Мы как-нибудь днем встретимся? Вдвоем, только ты и я.

- Не знаю...

- Ладно, - разочарованно вздохнула она. - Не пропадай.

Мы внимательно посмотрели друг на друга, потом я развернулась и ушла.

Через час я нырнула в бассейн и оставалась на дорожке дольше, чем обычно: следовало очистить мысли. Печальный взгляд спаниеля, которым наградила меня сестра, все время всплывал в памяти. Она не понимала, почему я не могу

уделять ей столько же внимания, сколько раньше. Как я ни старалась ей объяснить, ничего не получалось. Ее собственная карьера не имела для нее значения. Она всегда мечтала быть воспитательницей, она ею стала, и это приносило ей удовлетворение. Не спорю, она добросовестный специалист, вне всяких сомнений. Но ведь она больше ни к чему не стремилась. Почему? И как можно довольствоваться столь малым? У меня все по-другому: в агентстве я поняла, что могу пойти далеко, очень далеко, и ничто не заставит меня отклониться от намеченного пути. Я хотела стать лучшей, доказать, что могу раскрыться в работе, и эта решимость стимулировалась моей всегдашней потребностью превзойти саму себя. Я все поставила на карьеру. Для меня не было ничего невозможного, ничего слишком трудного. Я справлялась со всем – с усталостью, стрессом, разными досье, всеми заданиями, и при этом мне никто не помогал. Я была хозяйкой и центральным персонажем собственной жизни. Тем не менее я расстраивалась из-за того, что пропустила день рождения Мариуса. Как я могла забыть? Надо было поставить напоминание на телефоне.

Вернувшись домой, я исправила ошибку – сделала запись на год вперед и далее, а заодно отметила дни рождения Леа. После душа я поставила на поднос тарелку с овощами и соевый йогурт и устроилась на диване с ноутбуком. Какая же это трата времени, прием пищи! Вот если бы ученые придумали таблетки, заменяющие еду! Перед тем как взяться за досье, я отправила лаконичное сообщение родителям и заказала Nintendo DS последнего поколения с пятью видеоиграми, возглавляющими список лучших продаж. Мариус получит подарок уже завтра, сразу после школы, потому что я выбрала экспресс-доставку. Последствия моей забывчивости устранены, и теперь я могла вернуться к нормальному ходу жизни, для начала написав Бертрану, что готова к завтрашней работе с ним. Я легла с чувством выполненного долга примерно в половине первого, приняв обязательную таблетку снотворного. Я любила спокойные воскресные вечера, когда можно подготовиться к следующей рабочей неделе. Полученное задание не в счет, но во всех остальных случаях я ненавидела, когда меня беспокоят в конце выходных, мне нравилось просматривать полезную для работы информацию, планировать дела, проверять, все ли в порядке, убеждаться, что я защищена от любых неожиданностей. Все же на этот раз мой организм боролся со сном дольше обычного: эффект лекарства замедляла вина перед родными и беспокойство по поводу завтрашнего дня. Никогда раньше Бертран не привлекал меня к совместной работе над такими контрактами. И насколько я помнила, конкретно к этому досье вообще никто из сотрудников не приближался. Почему я? И главное, почему именно сейчас?

Встреча, как обычно, была назначена в роскошном отеле. Я шла рядом с начальником по гостиничному холлу, выпрямив спину, отведя назад плечи, гордо вздернув подбородок и глядя прямо перед собой. Мою уверенность в себе не сможет поколебать никто и никогда. Нас ждали, и я была готова к этому раунду переговоров. Для моего психологического равновесия жизненно необходимы мотивация, адреналин и стресс. Мне нравится работать в паре с Бертраном, а постоянное осознание потенциальных рисков поддерживает тонус и заставляет превосходить саму себя. В такие минуты имеет значение только моя задача. Когда я вспоминала, как воспринимала Бертрана сразу после нашего знакомства, мне становилось стыдно. Я считала его бездарью, жертвой кризиса сорокалетних, тогда как на самом деле Бертран был человеком способным, даже талантливым, с мощным бизнес-чутьем. А также с отличной реакцией, обостренной проницательностью и умением работать в экстремальных условиях. Он обладал даром соблазнять и уговаривать, всегда следовал своей интуиции и легко приспосабливался к партнеру и к ситуации. Каждый день работы с ним развивал мои способности. Я никогда не лезла вперед, но старалась стать необходимой, произвести на него впечатление своей компетентностью, и это было для меня самым важным. Мне нравилось отмечать его молчаливое одобрение в тех случаях, когда я попадала в цель. Наше профессиональное взаимопонимание позволяло нам с полуслова угадывать мысли друг друга, мы исподволь обменивались информацией, и это умение в числе прочих вызывало зависть конкурентов. Живот у меня свело, значительность сегодняшней ставки лишила аппетита, я была постоянно начеку, и вызов, на который я должна ответить, бодрил и стимулировал. В начале карьеры подобные ситуации вгоняли меня в ступор, но сейчас они становились мощной подпиткой. Чтобы жить, мне было так же необходимо напряжение, как и кровь, текущая по жилам. Я делала все, чтобы не упустить ни малейшей капли этой мощи, этой победы над своим телом и духом.

Тем же вечером нам в переговорную доставили традиционные подносы с суши. Мы писали отчеты о прошедшем дне и закончили их около часа ночи. Я даже не заметила, как пролетело время, и была готова перейти к отложенным досье. Но Бертран решил по-другому.

– Уже поздно. Ты проделала отличную работу, Яэль. Я подвезу тебя домой на такси, – предложил он, вставая из-за стола.

– Спасибо, – поблагодарила я, не отрываясь от телефона.

Он уже подходил к двери. Я двинулась за ним. Почему он надумал ехать в одном такси? Такого ни разу не случилось.

- Подожди меня.

Он вернулся в кабинет и через несколько минут появился на пороге, держа в руках большую стопку папок. Этот человек работал без перерывов. Его жажда успеха, завоевания была неутолимой. Дорасту ли я когда-нибудь до его уровня? Это казалось мне абсолютно неосуществимым.

Мы ехали молча, каждый склонился над своим телефоном. Мобильник Бертрана зазвонил. Я сразу поняла, что это сегодняшний довольный клиент. Машина остановилась у моего дома, и Бертран знаком попросил меня подождать. Он выключил телефон и оперся затылком о подголовник.

- Знаешь, именно за такие дни я люблю свою работу. Не знаю, пожалуй, ничего лучшего, чем эти вот звонки в любой час суток, когда нас благодарят за высокое качество услуг.

Я позволила себе искреннюю улыбку. Я торжествовала в глубине души, зная, что тоже способствовала успеху.

- Полностью согласна, - убежденно подтвердила я. - А теперь я пойду. До завтра.

- Погоди. - Он выпрямился и властно посмотрел на меня.

Я удивилась и снова захлопнула уже открытую было дверцу. Чего он от меня хочет? У него наверняка были какие-то соображения, возможно, он собирался сообщить мне нечто важное. Я автоматически пробежалась в уме по прошедшему дню, проверяя, не допустила ли какой-то оплошности.

- Яэль, ты такая же, как я, амбициозная, готовая на все, чтобы достичь успеха, страстная. Я не ошибаюсь?

- Нет, вы правы.

- Твоя работа – это твоя жизнь? Как и у меня.

Я кивнула, продолжая не понимать, к чему он клонит. Смысл диалога ускользал от меня, и это мне не нравилось.

- Я подумываю о компаньоне... Я тут размышлял... наблюдал за всеми в агентстве, внимательно ознакомился с вашими личными делами... Это можешь быть только ты.

Боже! И это мне не снится?

- Лучшей правой руки мне не найти, – продолжил он. – За десять лет ты набрала силу, ничто и никто не сможет сбить тебя с пути. Ты настоящий боец, ты всегда стремишься к большему и всегда хочешь большего. Ты жесткая и выигрываешь, невзирая на оказываемое сопротивление. Я планирую расширить в дальнейшем свой, нет, наш бизнес. Признаюсь, не исключено, что в Лондоне или Нью-Йорке откроется представительство агентства. А для этого мне необходим партнер. И меня устроит только лучший, а лучшая – ты. Хотел, чтобы тебе это было известно.

Я сглотнула слюну, на этот раз не зная, что ответить. Я не показывала виду, но в душе все пело. Гимн радости и гордости. Я была права, когда не позволяла себе расслабиться и всегда стремилась делать все на высшем уровне. Я лучшая, и он наконец-то это знает. Да, я одержала победу.

- Мы вернемся к разговору в надлежащий момент. Держи это в памяти.

- Обязательно.

- Спокойной ночи.

Он кивнул мне, и я вышла из машины, стараясь сдержаться и не пуститься вприпрыжку. Такси отъехало, когда я входила во двор дома. Не помню, как добралась до квартиры, открыла ее, преодолела прихожую и рухнула на диван. Колени дрожали, сумка валялась на полу. Только что шеф осуществил мою мечту, подарил то, чего я уже давно так страстно желала, никогда не решаясь верить, что это возможно. Наконец-то! Мечта стала реальностью! Если

вспомнить мои первые месяцы в агентстве десять лет назад, кто бы решился представить себе такое?! Все начиналось так ужасно...

Перед концом выходных, на следующий день после нашего безумного праздника по случаю моего приема на работу, Марк исчез. Мы, естественно, пытались связаться с ним, названивали, как обычно, деду, но никто не снимал трубку. По мне, это было странно, но остальные убедили меня, что для беспокойства нет оснований, он не впервые пропадает, не подавая признаков жизни. Я приступила к работе, но мыслями была далеко от агентства. Шеф решил взять на себя мое обучение ремеслу переводчика. Вначале это выглядело так: пока он общался с клиентами, я усаживалась где-нибудь в сторонке, причем мне было строго-настрого запрещено открывать рот. Если же я не изображала бессловесное существо, то занималась привлечением новых клиентов по телефону или сортировала досье. Захватывающе! Чтобы избавиться от ощущения, будто я бездельничаю, я решила упорядочить справочную картотеку по клиентам данных, что позволило мне оценить размах деятельности агентства. Заодно, не отдавая себе в этом отчета, я обогатилась ценными сведениями о клиентах. Во вторник вечером, то есть всего через два дня, контора мне уже до чертиков надоела, и я решила выполнять минимум действий, определенный трудовым законодательством, только чтобы не навлечь гнев Бертрана. При этом я старалась быть незаметной, намереваясь воспользоваться подвернувшимся случаем и заработать немного денег. Единственное, что держало меня в тонусе, это концерт Бена Харпера в Берси: я знала, что Марк его ни за что не упустит. В полшестого я передела под столом туфли, заменив ужасные лодочки старыми добрыми кроссовками, благодатными для моих измученных стоп, и потихоньку покинула офис. Около семи вечера я забеспокоилась, потому что Марка все не было, а мы собирались пробиться в партер, поближе к сцене, и вот теперь нам это не удастся. В восемь вечера концерт начался, а я по-прежнему стояла одна на улице. Походив туда-сюда перед входом, я уселась на ступеньки Берси, нацепила наушники mp3-плеера и стала раз за разом прослушивать Alone в исполнении Бена Харпера. Там я проторчала все полтора часа концерта. Когда зрители начали выходить, я искала Марка повсюду, убедив себя, что он сумел попасть в зал без билета и попытается найти меня внутри. Естественно, я его не увидела. С этого момента меня охватила паника, и я больше не думала ни о чем, кроме его исчезновения. Все остальные тоже. Теперь мы уже разрешили себе беспокоиться. Ситуация выглядела ненормальной. С ним что-то случилось. Мы организовали дежурство в тех местах, где он обычно бывал. Один из нас оставался на факультете, другой шел в «Эль Паис», третий бродил вокруг дома деда, а четвертый пытался связаться со знакомыми, с которыми мы его когда-

либо встречали. Я ненадолго заскакивала в агентство, когда кто-нибудь сменял меня на посту. Прошло больше недели, о Марке ничего не было слышно, а его дед оставался неуловимым. Тогда Адриан и Седрик отправились в комиссариат, где им объяснили, что об исчезновении могут заявлять только члены семьи. Но им повезло с полицейскими, которые справились в базе данных и сказали, что по Марку заявлений нет. Я не могла спать, я не могла есть, я думала только о нем. В нашей компании исчез смех, испарились шутки, мы не говорили ни о чем, кроме Марка, не понимая, что произошло. На протяжении следующих трех недель я днем уходила из офиса, с переменным успехом стараясь сделать это потихоньку и царственно игнорируя язвительные реплики и угрозы ассистентки Бертрана. Я шла на факультет и раздавала фотографии Марка с моим номером телефона, записанным на обороте. Я оставалась там допоздна, и по моим щекам безостановочно катились слезы. Однажды вечером, когда я сидела на ступеньках главного входа и плакала под дождем, уткнувшись лицом в согнутые колени, пришли Алиса, Седрик, Адриан и Жанна. Я чувствовала, как меня гладят по голове, но не шевелилась.

- Яэль, - ласково позвала сестра, - пойдём с нами, ты простудишься.

У меня все болело, я заледенела, но мне было наплевать.

- Нет... я хочу остаться... он придет... он должен прийти...

- Это бессмысленно, уже поздно... мы сделали все, что могли...

- Нет! - заорала я, вскакивая. - Мы не можем его бросить!

Я стала отталкивать их с криком:

- Я хочу Марка, я хочу его увидеть!

Алиса и Жанна рыдали, прижавшись друг к другу. Седрик и Адриан обняли меня с двух сторон, я отбивалась несколько минут, молотя их кулаками и не переставая вопить, но они меня не отпускали. В конце концов я сдалась и продолжала всхлипывать, вцепившись в их куртки. Вечер мы провели все вместе в квартире Алисы и Седрика. Консьержка согласилась оставить у себя на ночь Жаннину дочку. Мальчишки вдрызг напились, и я впервые увидела их плачущими. Я заснула тоже в слезах, положив голову на колени сестре. Два дня спустя, как

только я открыла дверь офиса, Бертран вызвал меня в кабинет. Накануне я предприняла последнюю попытку найти Марка и пропустила встречу, самую первую, которую должна была провести одна. Я рухнула на один из стульев напротив письменного стола; мои грязные волосы были скототы кое-как, я натянула поношенные джинсы, одолженный у Седрика свитер и старые кроссовки.

– Вы ничего не хотите сказать мне, Яэль? – поинтересовался он ледяным голосом.

– Нет, – ответила я, продолжая грызть ногти.

– Из-за вас я потерял клиента, но вам на это наплевать.

У меня в глазах стояли слезы, я пыталась выдержать его холодный взгляд. Он сидел в кресле, сурово смотрел на меня, и мое горе было ему по барабану. Какая же он сволочь!

– Вы умная девушка. Можете сколько угодно вредить себе, я все равно не изменю свое мнение. Вы способная, я в этом уверен, и поэтому не уволю вас. После той выходки я поверил, что вы можете много дать агентству. Но лишь при условии, что будете проявлять уважение к своей работе и к самой себе. Единственный совет: не калечьте свое будущее из-за ерунды.

Я пыталась что-то бормотать, но он не дал мне вставить ни слова.

– Не хочу ничего знать, меня это не интересует. А сейчас возвращайтесь домой, вымойтесь и приходите завтра.

Удивительно, но я не разозлилась на него, а на следующий день впервые явилась в агентство вовремя.

Я встала с дивана, останавливая погружение в болезненные воспоминания, пошла на кухню за стаканом холодной минеральной воды, а потом в спальню. За десять лет содержимое моего стенного шкафа полностью изменилось, хотя где-то в дальнем углу все еще валялись старые кроссовки, которые я, непонятно

почему, не решалась выбросить. Первые грошовые лодочки сменились десятком пар лубутенов, я получала зарплату министра, не считая щедрых премиальных. Должна признать, что я распробовала и полюбила адреналин успеха, напряженной работы, вращения в кругу людей, обладающих властью. Мне безумно нравилась моя работа. Бертран давным-давно не называл меня стажеркой и вот теперь собирался сделать компаньоном, своей правой рукой.

Через полчаса, устроившись в постели, я не стала, как обычно, принимать снотворное, потому что было уже поздно и я побоялась, что завтра буду не в форме. Кроме того, после Бертранова предложения я была слишком взвинчена и хотела о нем поразмышлять. Одну из фраз я вспоминала все время: «Яэль, ты такая же, как я, амбициозная, готовая на все». Я так восхищалась им и тем, каких высот он достиг! И вот теперь он поднял меня до своего уровня – я была на седьмом небе от счастья. Бертран пожертвовал всем, чтобы добиться успеха, даже своей семьей. Когда-то он был женат, у него двое взрослых, лет по двадцать, детей, которых он видит один или два раза в году за ужином. Насколько я поняла, когда-то у него возникла возможность поехать поработать в Соединенные Штаты, но жена отказалась сопровождать его, и он принял радикальное решение развестись, лишившись тем самым общения с детьми. Его амбиции были несовместимы с семейной жизнью, и он не стал играть комедию дальше. «Я попытался поступать, как все, но ничего хорошего из этого не вышло». Я разделяла его позицию целиком и полностью: работа – единственный стоящий способ самореализации, успех приносит удовлетворение, тогда как от всего остального одни хлопоты и огорчения. Я любила постоянное напряжение, и когда он поманил меня предложением стать его партнером, я была уверена, что это как раз то, что мне нужно. Я буду еще больше выкладываться на работе, такая перспектива меня восхищала. Преступно упустить подобный шанс в тридцать пять лет – он выпадает раз в жизни.

В следующем месяце я повысила градус требовательности и к себе, и к своим сотрудникам. Моя вовлеченность в конкурентную борьбу достигла невиданных высот! Маленькая акулка, которой я была до сих пор, превратилась во взрослую ненасытную акулу со стальными зубами. Я добывала контракт за контрактом, продолжая вести текущие дела. Стала представительницей семейства самых опасных, самых жестоких хищниц. Меня боялись, и я наслаждалась этим страхом. Я удивила всех, сумев заключить необыкновенно выгодный договор на обслуживание десятка участников трех коллоквиумов, организованных фармацевтической компанией. Мы будем сопровождать представителей

крупного бизнеса, а заодно и профессоров-медиков из самых престижных американских университетов. Сферы их интересов диаметрально противоположны, обстановка обещает быть напряженной. Я пользовалась малейшей оплошностью коллег, чтобы отобрать у них досье. У меня не было друзей, и это к лучшему, плевать мне на них, я здесь не для того. Я хотела всего и сразу. И в особенности доказать Бертрану, что я в состоянии сражаться на всех фронтах: переводить, добывать клиентов, управлять процессами, задерживаться на совещаниях так поздно, как нужно. Наушник телефона прилип к моему уху, я совала нос в дела всех сотрудников, кроме самого шефа. Всякий раз, когда он мне что-то поручал, я ликовала в душе. Единственные перерывы, которые я себе позволяла, были заняты встречами в банках: приоритетной для меня являлась готовность действовать «в надлежащий момент», как он сказал. Сколько я в состоянии выложить, чтобы получить долю в агентстве? Не так уж мало: учитывая размер моей зарплаты и наличие у меня в собственности квартиры, банкиры демонстрировали благосклонность и не требовали дополнительных доказательств.

Я заставляла себя грызть энергетические батончики и есть белковые супы, чтобы продержаться. Вообще-то еда мало интересовала меня, я только злилась на то, что наше тело так плохо устроено и его эволюция слишком медленна! Моей домработнице поручалось поддерживать запасы правильной пищи. Я купила несколько тюбиков гуронсана[4 - Гуронсан - препарат-энергетик, помогающий восстановлению организма при физической и умственной усталости.]. Пришлось отказаться от снотворного, так как я ложилась слишком поздно, вставала слишком рано, а заряжалась энергией, как и раньше, плавая в семь утра в бассейне. В результате мне удавалось поспать не дольше четырех часов. Да и то если не вмешивалась бессонница. Впрочем, этих четырех часов вполне хватало, усталость не справлялась с моим телом, я была его полновластной хозяйкой. По моим венам струился адреналин, и это было гораздо лучше, сильнее, мощнее наркотика или секса.

И все-таки мне пришлось сделать усилие и принять Алисино приглашение на ужин. Я все просчитала: если мы будем видеться один раз в месяц – вдвоем или со всей компанией, – мне, возможно, удастся отвоевать некое подобие спокойствия. При этом ужин был наименее утомительным вариантом, можно отказаться от тошнотворных сладостей, а главное, поскольку детей укладывают рано, я избавлена от головной боли. В конце концов, я жертвовала всего несколькими часами. Сигнал, установленный на телефоне, напоминал мне о

необходимости объявиться двадцатого числа каждого месяца. Но в такой день приходилось уходить из офиса раньше, слишком рано. А я это ненавидела!

Итак, я ушла из агентства в половине восьмого вечера, разминувшись с Бертраном, который уехал на встречу, и мне это не нравилось, получалось, будто я прогуливаю. Перед тем как нажать на газ, я подключила гарнитуру мобильного, чтобы ответить на любой звонок. Наплевав на безопасность, я постоянно проверяла почту. Я выехала на автостраду, и монотонность дороги заставила меня непрерывно зевать так, что выступали слезы. Я опустила стекло, решив не обращать внимания на холод, от которого тут же задрожала: надо было как-то подстегнуть себя. Паркуясь у дома Алисы и Седрика, я почувствовала облегчение. Они живут на краю света! Дорога показалась мне нескончаемой, и я подумала, что в следующий раз нужно будет взять с собой что-нибудь на перекус!

Сестра догадалась, что поддержка тяжелой артиллерии будет не лишней, и в гости позвали Адриана и Жанну. Мне открыли Мариус и прячущаяся за его спиной Леа. Они были в пижамах, с влажными после душа и старательно расчесанными волосами. Мариус схватил меня за руку и, не давая высвободиться, потащил в гостиную, где взрослые пили аперитив. Алиса встала, направилась к нам и распорядилась:

– Так, Яэль вы встретили, а теперь спать!

Потом обернулась ко мне, нахмурившись:

– У тебя все в порядке?

– Все отлично! Почему ты спрашиваешь?

– Нипочему, – ответила она, целуя меня.

Так я тебе и поверила! Только бы вечер не превратился в суд инквизиции. Она пока сдерживалась, но на сколько ее хватит? Я расцеловалась со всеми и устроилась на диване.

– Тебе налить? – предложил Седрик.

– Совсем чуть-чуть, пожалуйста.

Вскоре я держала в руках налитый до краев бокал белого вина, который я осторожно пригубила. Я положила телефон на журнальный столик, чтобы видеть его и всегда иметь возможность схватить – лучше не рисковать.

– Где ваша дочь? – спросила я у Жанны и Адриана. – Она уже вышла из того возраста, когда ложатся спать с курами.

– Оставили дома с бебиситтером. Посидим без детей, во взрослой компании, – ответила Жанна, на чьем лице читалось удовлетворение и облегчение.

Слава тебе господи! Может, ей надоели вечерние встречи с участием детей? Алиса вернулась, устроилась рядом со мной.

– Что у вас слышно? – неожиданно для себя спросила я.

Не знаю почему, но мне вдруг захотелось узнать, что у них нового. Иногда со мной такое бывает, но главное, это позволяет избежать разговоров обо мне. Первым начал Седрик и рассмешил всех, рассказывая, как он пытается привить любовь к философии своим ученикам из выпускного класса. Оптимизм моего зятя ошеломлял, для него не существовало невозможного. При этом он не испытывал никакой гордости, если все его ученики получали оценки не ниже средней за экзамен на бакалавра. Лавры победителя не прельщали его. Что до Жанны, она устала от необходимости набирать временных сотрудников к распродажам – теперь она была старшим менеджером в своем магазине и у нее были трудности с привлечением студенток, готовых в течение месяца терпеть боль в ногах. Мне бы это жутко действовало на нервы, а она сохраняла спокойствие, воспринимая трудности философски, что всегда было ей свойственно.

Годы не изменили Жанну. Ни на йоту не изменился и ее образ: безупречное, стильное каре черных как вороново крыло волос, всегдашний пирсинг, самый модный гардероб, который она обновляет от сезона к сезону. Настала очередь Адриана, и он, по своему обыкновению, стал паясничать:

– Я сражаюсь в своей конторе за регулярные выборы лучшего торгового представителя месяца с вывешиванием фото у входа, как это принято в Штатах.

- Или в «Макдоналдсе», - подала реплику его жена.

Все расхохотались, даже я. Адриан сделал все, чтобы не получить диплом по окончании коммерческой школы, а для этого нужно было постараться. Преподаватели сразу разглядели в нем выдающегося торгового агента и потому прощали прогулы, невыполнение заданий, а также все дурацкие студенческие акции, в организации которых он активно участвовал. Однако когда он проспал и не явился на выпускной экзамен, никто уже не смог ему помочь. Отсутствие диплома не помешало Адриану найти работу всего через несколько дней после меня. Он был торговым представителем известной марки и успешно продавал их окна целыми партиями. На нем время оставило свои следы: коренастая фигура регбиста понемногу расплывалась, а темная шевелюра редела.

Алиса пригласила нас к ужину и воспользовалась этим, чтобы взять слово.

- Я отказалась от подачи заявки на должность директора детсада, - объявила она, ставя на стол рыбу.

- Почему?! - возмутилась я. - Никто не отказывается от повышения! Ты не можешь всю жизнь оставаться воспитательницей в детском саду!

Я в ярости обернулась к остальным:

- Ну скажите же ей, скажите, что она совершает ужасную глупость!

Они хором вздохнули.

- Могу я узнать, что плохого в том, чтобы быть воспитательницей? - сухо поинтересовалась Алиса. - Ты мне действуешь на нервы! Я люблю заниматься детьми, а остальное меня не интересует. Я хочу сосредоточиться на том, что для меня важно! Так что оставь меня в покое!

Я покачала головой, полное отсутствие амбиций у сестры приводило меня в отчаяние. Она протянула руку к моей тарелке.

- Самый маленький кусочек, пожалуйста, - пробормотала я.

– Ты должна есть! – нервно воскликнула Алиса. – Во что ты превратилась?! Давно подходила к зеркалу?

Я сжала зубы. Начинается! Зачем я приехала?

– Она права! – вмешался Адриан. – Раньше у тебя была симпатичная попка, большая грудь, теперь от них ничего не осталось. Стань опять Яей, sexy girl.

Я так резко обернулась, что на мгновение испугалась, как бы не свернуть шею, и уставилась на него, выкатив глаза.

– Ты совсем свихнулся, честное слово. А тебе все равно? – обратилась я к Жанне.

– А что я должна делать? Разбирайся сама! Раньше ты прекрасно умела защищаться самостоятельно. И вообще, он не так уж неправ... Не собираешься взять отпуск? Ты бледная как смерть!

– Отпуск? Ну ты придумала!

Мои губы растянулись в широкую хищную улыбку. Еще чего, отпуск! Похоже, они совсем меня не понимают. Что за радость бездельничать? Да никакой, от безделья только страх в душу заползает!

– В ближайшие недели отпуск мне не грозит! Если повезет, скоро я стану совладелицей агентства, – с триумфом объявила я.

– Не может быть, – загробным голосом пробормотала Алиса. – Только этого не хватало...

Остальные молчали.

– Приятно видеть, как вы рады за меня! – зло прокомментировала я.

И так всегда. От меня ждут, что я вникну в их мелочные заботы, буду выслушивать разговоры о детях, сами же они не способны на малейшее усилие, чтобы понять меня, осознать важность моей работы.

– Что ты, что ты... мы, конечно, очень рады за тебя, – поспешил вмешаться мой зять.

– Просто у тебя будет еще больше работы, – добавила Жанна.

– И это прекрасно, ничего другого мне не надо, – пробормотала я, не отрывая глаз от сестры.

Она склонила голову к тарелке и ткнула вилкой в рыбу.

– Поговорим о чем-нибудь другом, так будет лучше. В любом случае бессмысленно продолжать, у нас разные взгляды.

Значит, Алиса решила, что этим вечером мы обойдемся без серьезной стычки. Я тоже подцепила кусочек рыбы, чтобы показать, что тема закрыта и для меня. Нельзя тратить силы на такие глупости. Больше не открою рот за ужином.

Мой телефон зазвонил, когда мы приступили к десерту, я вскочила из-за стола и схватила его:

– Да, Бертран?

– Ты мне нужна. Отправляю за тобой такси.

Ура! Я могу сбежать!

– Я не дома, – ответила я, вышагивая по гостиной.

– А где ты?

– У сестры, в пригороде.

– Давай говори быстро адрес, нельзя терять ни минуты.

Я продиктовала. Он попросил подождать, пока будет заказывать такси, потом снова обратился ко мне:

– Машина будет у тебя через пятнадцать минут. Поедешь в аэропорт встречать Шона.

Опять он! Наверняка в очередной раз попытается переманить меня, так что придется удержаться и не сунуть ему в нос обещание Бертрана. Зачем этот тип опять явился в Париж? Будет продавать или покупать очередную фирму? Бизнес Шона заключался в покупке попавших в затруднительное положение предприятий по всему миру. Ему не было равных в искусстве разыскивать такие компании. С помощью целой армии советников он анализировал ситуацию, находил решения и возобновлял полноценную деятельность своего приобретения, после чего продавал его и клал в карман кругленькую сумму.

– Позвонишь с дороги, и я тебе все объясню, – продолжил Бертран.

– Договорились.

Я выключила телефон и взяла сумку. В комнате – немая сцена: Адриан так и держит на весу вилку, раскрыв рот, и все ошеломленно уставились на меня.

– Можно воспользоваться вашей ванной?

– Конечно, – ответила сестра. – Но что происходит?

– Мне нужно встретить в Руасси клиента.

– Ты теперь оказываешь эскорт-услуги?

– Хватит, Адриан, меня уже достали твои дешевые шутки и грубости. Ты никогда не отличался воспитанностью, но все же существуют пределы тому, что я могу вынести!

Вот еще пример: я уже столько лет из кожи вон лезу, чтобы растолковать им, что собой представляет моя работа. А они не делают ни малейшего усилия, чтобы запомнить мои объяснения. Как мне все это надоело. Больше ни на кого не глядя, я бросилась в ванную и, зайдя в нее, с грустью вспомнила порядок и чистоту моей ванной или той, что в агентстве. Детские стаканчики с зубными щетками валяются в умывальнике, заляпанном зубной пастой и мыльными

разводами. Зеркало в пятнах известкового налета. Но ничего не поделаешь, как есть, так есть. Я достала косметичку, вынула пудру – действительно, я сегодня что-то бледновата. Провела карандашом по нижнему веку. Вошла Алиса и присела на край ванны. Я чуть отодвинулась от зеркала и, оценив свое отражение, решила, что теперь выгляжу по-человечески. Я сняла резинку, высвободив волосы, а сестра взяла у меня щетку и принялась их расчесывать.

– Мне некогда, Алиса.

– Почему ты теперь никогда не носишь их распущенными?

– Придает легкомысленный вид.

– Я бы запретила скрывать такие роскошные волосы, – улыбнулась она, наверняка стараясь сгладить неприятное впечатление от сцены в гостиной.

Я унаследовала рыжие с медным отливом волосы нашей матери. Я находила их слишком яркими – никто не поверит, что это натуральный цвет, – и всегда убирала в хвост или в пучок. Алисины волосы были светлее. Я бы с удовольствием поменялась с ней, а она умирала от желания иметь такие, как у меня. Она быстро расчесала меня и собрала волосы так, как мне нравится. Я поблагодарила и дважды нажала на колпачок парфюма. Смс проинформировало меня, что такси подано. Я заскочила на секунду в гостиную, на ходу попрощалась со всеми и направилась к двери. Алиса упорно шла за мной. Я остановилась и поцеловала ее.

– Прости за эту историю, – извинилась она.

– Да ладно.

– Просто я волнуюсь за тебя. Как и положено старшей сестре.

– Полтора года разницы не дают тебе права на гордый титул старшей сестры, – подколола я. – К тому же у меня все отлично, тебе не о чем беспокоиться, сейчас осуществляется мечта моей жизни.

– Хотелось бы верить.

– Мне пора бежать, до скорого!

Я открыла дверь и, не оглядываясь, села в такси, с облегчением перевела дух и сразу достала телефон, чтобы перезвонить Бертрану. Он ответил после первого гудка.

– Я вас слушаю, – быстро проговорила я.

– Не знаю, как такое могло случиться! Информация не дошла до нас, я ничего не понимаю. Но это недопустимо. Мы проявили небрежность.

– Мне очень жаль.

– Мы оба виноваты. Впредь будем бдительнее. Его ассистент связался со мной как раз перед тем, как я позвонил тебе, он хотел удостовериться, что мы встретим его по прилете.

– Да что вы! Шон ничего не говорил мне.

– Сегодня днем он принял решение участвовать в завтрашнем аукционе и рванул в аэропорт. Закажи ему номер прямо сейчас, завтра утром, в девять тридцать, заедешь за ним в отель и будешь переводить ему весь день.

Вздых вырвался у меня помимо воли. Как со всем справиться? У меня назначено на завтра десять встреч, одна из которых с пиарщиком люксовой марки кожаных изделий. Этой встречи я добивалась несколько месяцев, поскольку хотела заключить договор на их консъерж-обслуживание.

– Какая-то проблема, Яэль? – Я вздрогнула.

– Нет-нет, – ответила я максимально бодрым голосом.

– До завтра.

Он отключился. Я тут же перезвонила в один из пятизвездочных отелей, где привык останавливаться Шон, затем заказала такси на завтрашнее утро и не забыла сообщить по электронной почте ассистентке, что завтра с утра, до ее

прихода, я оставлю в агентстве договор на машину, арендованную в Autolib', а она должна будет поехать за город и забрать ее.

Надеюсь, она ничего не перепутает – я скрестила пальцы на удачу. Но это ведь не так уж сложно! Пока мы ехали в Руасси, я неотрывно думала о допущенной мной небрежности. Я не должна была ради встречи с сестрой уходить из офиса раньше времени. А если еще вспомнить, что на этом ужине я огребла по полной... В результате я упустила важную информацию. Такое случилось со мной в первый и последний раз, твердо решила я. Под рокот мотора я начала клевать носом и встрепенулась, когда такси остановилось. Я бросила взгляд на экран телефона: который час? Я приехала точно в срок. Брызнув дезодорантом для рта, чтобы освежить дыхание, я попросила водителя не выключать счетчик и пойти со мной. Справившись на табло прилетов, я зашагала к указанному выходу, выпрямив спину, уверенно держась на высоких каблуках своих лодочек и приняв деловой вид. Четверть часа спустя в дверях появился наш английский клиент.

Я легла после трех ночи. Спала плохо. Когда в 6.28 я разлепила веки, мне пришлось бороться с подкатывающей тошнотой, все мышцы были напряжены, и мне это очень не понравилось. Судя по всему, я не набрала нужного количества сна. Однако привычные действия вскоре прояснили мое сознание. Я никогда не отличалась хорошим аппетитом по утрам, но сейчас вообще ничего не могла проглотить. Поэтому я ограничилась чашкой ристретто и двумя капсулами гуронсана. Перед тем как уйти, я проверила свое отражение в зеркале прихожей: макияж не справился с черными кругами под глазами, они были хорошо заметны.

Приехав в Друо, я проверила, есть ли его имя в списке участников, и мы устроились в зале. Я приготовилась переводить ему на ухо шепотом из соображений строгой конфиденциальности. Я успела пролистать каталог, чтобы ознакомиться с лотами, он подчеркнул те, которые его особо интересовали, и я поняла, что мы проведем здесь весь день. Он объяснил, почему не захотел прибегнуть к услугам доверенного лица – ему было интересно самому поучаствовать в торгах. Я постаралась все предусмотреть и еще до начала отправила ассистентке мейл, распорядившись заказать столик к обеду. Аукцион шел своим ходом, но как-то в стороне от меня, что ли. Я собрала все силы, чтобы сосредоточиться: ни о чем не думала, а только слушала, фиксировала,

записывала, устанавливала контакт между нашим клиентом и аукционистом, оставаясь, как обычно, незаметной. У него должно было складываться впечатление, будто он все сам понимает.

В двенадцать сорок пять я открыла дверь ресторана, где мы собирались пообедать. К моему изумлению, Бертран поджидал нас за столом!

– Ваш шеф всегда начеку, – шепнул мне на ухо Шон. – Боится, как бы я вас не похитил.

Этот тип невыносим. Однако выхода у меня нет, приходится терпеть. Кто бы знал, как это тяжело. Я выдала в ответ самую обворожительную улыбку.

– Вы ошибаетесь, просто наша задача – как можно лучше заботиться о вас.

Бертран поздоровался с Шоном, потом пожал мне руку, взглядом спрашивая, все ли в порядке. Я кивнула, показывая, что все идет по плану. Причина Бертранова присутствия была более чем ясной: он опасался, как бы вчерашний промах не положил конец сотрудничеству с клиентом. На протяжении всего обеда речь шла о делах. Поскольку аппетита у меня по-прежнему не было, я ограничилась жареными овощами, отысканными в меню закусок, да и их мне пришлось проталкивать большим количеством газированной воды.

– Я собираюсь провести в Париже немного больше времени, – сообщил нам Шон за кофе. – Яэль, я рассчитываю на вас, у меня запланировано несколько встреч с хедхантерами, и вы мне непременно понадобятся. Сами видели сегодня утром, мне без вас не обойтись.

О нет! Он крушит все мои планы. Но что поделаешь, бросить его я не могу. Китайская головолломка, которую я пыталась решить прошлой ночью, так и осталась нерешенной, придется мне все начинать с нуля. Я почувствовала, как болезненно бьется вена на виске, а к горлу подступает тошнота.

– Я вас не оставляю, не беспокойтесь, – ответила я, постаравшись, чтобы мой голос звучал спокойно. – Извините.

Я встала и направилась в туалет. Войдя в кабинку и опустив крышку унитаза, я села с телефоном в руках. Я не знала, до которого часа буду сегодня занята, значит, нужно опередить события. Для начала я позвонила ассистентке. Эта дуреха не ответила – у нее обеденный перерыв. А ведь сколько раз я ей повторяла, что мои звонки она обязана принимать в любое время, в любом месте, даже в туалете! Я тяжело вздохнула, пообещав себе в ближайшие дни расставить все точки над *i*. К тому же она вполне могла умудриться перепутать клиентов! Нельзя положиться ни на кого, кроме самой себя. Я сделала с десятков звонков и отправила кучу мейлов. Оставалось ждать ответов. Перед тем как покинуть свое убежище, я смочила холодной водой виски, привела в порядок макияж, попудрив нос, и проглотила неизбежную таблетку аспирина, так как головная боль набирала силу. Железный обруч сжимал лоб, один глаз сильно болел, а тошнота сводила желудок. Пока я еще с этим справлялась. Я заставила себя дышать медленно и спокойно. Когда я вернулась к столику, Бертран уже расплатился, и они ждали меня. Значит, меня долго не было. Мой начальник открыл дверь ресторана и придержал меня за локоть.

– Сегодня днем я буду с вами, – мрачно сообщил он.

Меня охватило скверное предчувствие. На языке вертелся вопрос «почему?». Бертран завален работой, я здесь, ему ни к чему терять время. Только если я прохожу проверку. Точно, точно, в этом все дело. Другого объяснения быть не может!

После обеда сначала все шло хорошо, несмотря на мучительную головную боль. Похоже было, что наш клиент развлекается, повышая ставки и всякий раз выигрывая желанные лоты, а затраты будто не имели для него значения. В зале стояла страшная духота, я незамедлительно покрылась потом. Покосившись на Шона и Бертрана, которые в своих костюмах и галстуках должны были терпеть муки, я, к великому удивлению, не заметила никаких признаков дискомфорта, оба дышали свежестью. Значит, только я будто сижу в печи. Гул голосов раздражал меня, мешал сосредоточиться. Торги продвигались резво, без пауз, без задержек, нельзя было ни на миг передохнуть. Лоты сменяли один другой на большой скорости, едва ли не слишком быстро. Что-то с грохотом упало, стук меня отвлек, и я заозиралась, чтобы понять, в чем дело. На мгновение я будто провалилась в черную дыру, потеряла ориентацию и замолчала. К действительности меня вернуло волнение клиента, а также категоричный вопрос Бертрана:

– Яэль! В чем дело?

Я заморгала, его недовольное лицо было обращено ко мне.

– Тебя не затруднит вернуться к нам? Ты пропустила лот!

– Господи... Простите! Извините меня.

По моей спине тек пот. Я не услышала... Впервые за всю мою карьеру переводчика я что-то прослушала, оказалась не на высоте.

– Из-за вас я лишился драгоценной вещи, – возмутился Шон. – Можете собой гордиться!

Он был в ярости и полностью утратил британскую невозмутимость. Говорил он так громко, что несколько человек обернулись, наверняка чтобы узнать, кому устраивают разнос. Я съежилась, мне было стыдно, я чувствовала себя униженной.

– Мне нечего возразить. Я очень сожалею...

– Бога ради, избавьте меня от извинений и поскорее приходите в себя. Чтобы это больше не повторилось!

Он повернулся ко мне спиной, полный решимости не терять ни минуты из-за моей некомпетентности.

– Этого не случится, – сухо вмешался Бертран. – Яэль, я сменю тебя.

Я угодила в какой-то страшный сон.

– Но?..

– Всё! – раздраженно прервал он. – Выйди на воздух. Встретимся завтра с самого утра в офисе. Твой рабочий день окончен.

В отличие от Шона, он говорил вполголоса, но его приговор пересмотру не подлежал. Я знала, что у Бертрана никто не имеет права на ошибку, я это испытала на собственной шкуре. Понадобилось каких-то две-три секунды. Я встала, уступила ему стул и удалилась, еле слышно шепнув «до свидания». Ни тот ни другой не ответили, для них я перестала существовать. Я прислонилась к стенке в глубине зала, чтобы понаблюдать за ними издали, но вскоре покинула Дом Друо. Если я останусь и Бертран меня заметит, то разозлится еще больше.

Глава четвертая

Ичто мне делать с остатком дня? Невозможно явиться в агентство и объяснять коллегам, почему я не на аукционе. Алиса с ее отзывчивостью мне ни к чему. При мысли, что я окажусь одна дома, меня охватил ужас. Я решила пройтись. На самом деле я бесцельно шаталась по улицам. Нужно придумать, как исправить ужасную ошибку. Эта мысль давила, мешала дышать, держала в постоянном напряжении. Прохожие пугали меня, я старалась никого не задеть, ни на кого не поднять глаза. Мои щиколотки вдруг показались мне удивительно хрупкими. Я сжимала в руке телефон, чтобы не пропустить малейшую вибрацию. Ведь в какой-то момент Бертран непременно позвонит. Как же иначе?! Сейчас всего семнадцать пятнадцать. Что еще, кроме работы, можно делать в такое время, в разгар дня? Я понимала, что безустанно хожу по одним и тем же улицам, недалеко уйдя от аукционного дома: нужно будет быстро прибежать, если вдруг...

Я бродила больше двух часов, как вдруг закапал дождь. Только этого не хватало! У меня не было зонта, я шла по какому-то переулку, похоже, я заблудилась в собственном городе. Дождь усилился. Срочно требовалось где-то укрыться. Я толкнула первую попавшуюся дверь. В какой магазин я забрела? И вообще неясно, магазин ли это, потому что тут царил немыслимый бардак. Я колебалась, подумывая о том, чтобы выйти на улицу и узнать, не забрела ли я случайно в чей-то дом. Но я же видела магазинную витрину. Я предпочла остаться в тепле и сухости, а если кому-то это не понравится, пусть простят. Уйду, если выставят за дверь. Присмотревшись, я предположила, что это лавка старьевщика. В носу защипало от пыли, я быстро распознала запахи старой

кожи, воска, дерева, тряпья. В первый момент было затруднительно понять, что за предметы меня окружают, потому что все было свалено вперемешку. В лавке явно не хватало места. Пробираться было сложно: микроскопические проходы между сваленной кое-как мебелью наводили на мысль, что ты угодил в лабиринт. Но здесь, несомненно, не интересовались стилем Людовика XV или ампиром. Это было царство Славного тридцатилетия, трех десятков послевоенных лет. Чего тут только не было: диван, консольные столики, раздвижные столы-жигонь, буфет с пластиковой облицовкой, несколько стульев-тюльпанов, задвинутых в угол – они, судя по их состоянию, дожидались обивщика, – а также множество предметов малопонятного назначения. Погода за окном все портилась, а здесь было светло благодаря многочисленным винтажным лампам, разбросанным по всему помещению. Отсутствие прямого света делало атмосферу спокойной, теплой, возможно, даже успокаивающей. Если бы только это могло подействовать на меня. Я сделала несколько шагов и остановилась перед этажеркой из дерева и металла, на которой стоял проигрыватель, лежали старые поляроиды и даже камера Super 8. Мой взгляд зацепила стойка с коллекцией географических карт, как те, что висели в школе. Тут я прислушалась: звучащая музыка...

Black trombone,

monotone,

le trombone,

c'est joli.

Tourbillonne

gramophone...

Генсбур... От мимолетного воспоминания у меня захватило дух... Перед глазами возник отец, терзающий нас с сестрой, маленьких девочек, нудными поучениями. Я прямо услышала, как он говорит нам, увлекавшимся тогда бой-бэндами: «Девчонки, вот это настоящая музыка, я сделаю вас культурными людьми!» В ответ мы с Алисой дразнили его старичком, а вскоре и он присоединялся к нашему смеху, и мы хохотали уже втроем. Воспоминание улетучилось, когда я услышала, что к голосу Генсбура присоединился другой мужской голос:

Black trombone,

monotone,
autochtone de la nuit,
Dieu pardonne
la mignonne
qui fredonne
dans mon lit.

Black trombone,
monotone,
elle se donne
? demi,
nue, frissonne...

Я огляделась, пытаюсь понять, кому этот голос принадлежит. Мне это никак не удавалось, поскольку его обладатель находился в глубине магазина, за ширмой в шашечку. Этот тип распевал увлеченно и даже наверняка верил в свой певческий талант. Однако безбожно фальшивил! Несмотря на это, его было приятно слушать: ритмичное дыхание, теплый тембр голоса. Я едва не улыбнулась, особенно когда он принялся имитировать звучание духовых с помощью рта и голоса. Я решила, что пора уходить так же незаметно, как пришла, наплевав на дождь.

– Яэль? – услышала я за спиной.

Этот голос... Я застыла, положив ладонь на ручку двери. Во всем виновата мигрень, у меня начались галлюцинации, другого объяснения я не нашла. Я резко обернулась, мои руки упали, горло перехватило, кулаки сжались, сердце пошло вразнос, совершив головокружительный скачок на десять лет назад. Передо мной стоял призрак, такой же потрясенный, как я.

– Яэль... Это действительно ты?

Он направился ко мне. Он почти не изменился, если не считать очки в роговой оправе: раньше их не было, а теперь они сидели на чуть кривоватом носу – когда-то, дурачась с Адрианом, он его разбил, кровь хлынула ручьем, и мы с девочками изображали сестер милосердия, отправившись с ним в больницу на скорой помощи. Недостающее звено компании материализовалось на моих глазах.

– Здравствуй, Марк, – произнесла я севшим голосом.

Имя, которое уже давно никто не упоминал. И в первую очередь я.

– Мы думали, ты умер! – ядовито прошипела я.

Моя реплика задела его, он снял очки и провел рукой по коротко остриженным волосам; они сохранили свой золотисто-каштановый цвет, резко светлеющий на солнце. Он уставился в потолок, его дыхание стало прерывистым, он совсем растерялся. Так ему и надо! Пусть наберется смелости, если намерен поговорить со мной. А он потер веки, раскрыл рот, но ничего не сказал, а только пошевелил руками. Было очевидно, что он подыскивает нужные слова. Пусть не рассчитывает, что я облегчу ему задачу.

– Яэль... вот не ожидал...

– И больше тебе нечего сказать? – рявкнула я возмущенно.

Несчастный Марк рассыпался на глазах. Другого он не заслуживал.

– Есть... Извини... А что ты тут делаешь?

Этот вопрос не стоило задавать.

– Прячусь от дождя.

– Спасибо дождю за то, что прислал тебя ко мне. – Марк широко улыбнулся.

Он сразу почувствовал себя значительно увереннее! Наверное, подумал, что это я так пошутила. Но довольное выражение быстро исчезло с его лица, когда он

понял, что я воспринимаю ситуацию по-другому. Почему, ну почему это должно было случиться именно сегодня? Сколько можно! Как будто недостаточно того, что на меня свалилось пару часов назад! Как будто у меня без этого мало забот! Ладно, отмотаю пленку назад и притворюсь, будто последних пяти минут не было.

– Оставляю тебя, – сухо объявила я.

Он шагнул ко мне и протянул руку:

– Нет... Подожди... Ты не можешь вот так взять и уйти! Я хочу знать, как у тебя дела... И как там все остальные.

Он что, издевается?! Забыл о том, что сделал? Я сжала кулаки, чтобы сдержать злость.

– Немного поздно интересоваться, тебе не кажется? Кто вдруг взял и исчез из нашей жизни, чтобы никогда больше не объявиться? Кто заставил нас предполагать худшее? Худшее, Марк! Слышишь меня?

Мне была необходима разрядка, и он очень вовремя попался под руку. Он смотрел на меня не отрываясь и с каждой секундой выглядел все более сконфуженным.

– Пожалуйста... позволь мне объяснить... а ты сама решишь, рассказывать мне обо всех вас или нет.

Его светло-коричневые глаза сохранили печальное выражение побитого пса, но несколько глубоких морщин превратили то лицо, которое я помнила, в лицо зрелого мужчины. Я отвернулась, мне не хотелось гадать, был ли он счастлив или несчастен в прошедшие десять лет. Однако вместо того, чтобы предаваться мрачным мыслям, бродя по мокрым улицам, или, хуже того, сидеть в одиночестве в своей квартире, лучше уж ненадолго остаться здесь, пришло мне в голову. Тем более что в глубине души мне хотелось знать, почему он исчез, не сказав ни слова, ничего не объяснив. Как долго я хотела рассчитаться с ним, наказать за то, что он сотворил! Скрестив руки на груди, я выпрямилась, готовая к нападению.

– Слушаю тебя.

– Не стой посреди магазина, пойдём сядем.

Лавируя между столиками, шкафами и креслами, он направился в глубь помещения, и я последовала за ним, тщательно избегая к чему-либо прикасаться. Мы зашли за ширму в шашечку, и тут мне открылось, что такое настоящий хаос. В центре стоял секретер со шторкой, которому мешала закрыться внушительных размеров стопка бумаг с калькулятором Texas Instrument наверху – ровно таким же я пользовалась в старших классах. Марк убрал журналы 80-х годов с двух клубных кресел Le Corbusier, чья кожа кое-где растрескалась, – они стояли возле овального столика и напольной пепельницы, не слишком чистой и не очень устойчивой.

– Устраивайся.

Я собралась сесть, когда объявился новый персонаж:

– Марк, ты где?

– Я здесь, Абуэло!

Я сразу узнала дедушку Марка, стоило ему появиться. За десять лет он постарел и передвигался, опираясь на трость. Но сохранил свой лукавый нрав и умение пронизывать взглядом насквозь, это сразу бросалось в глаза. Встретившись с Абуэло в последний раз, я в отчаянии сбежала из его квартиры в семнадцатом округе.

– Ого, внучек, ты не теряешь времени зря! – игриво подмигнул он Марку с кривоватой ухмылкой.

Он подошел и задрал голову, чтобы рассмотреть меня. Благодаря высоким шпилькам я глядела на него сверху вниз, и это меня устраивало.

– Мадемуазель... ваше лицо мне знакомо...

– Это Яэль, – вмешался Марк. – Помнишь ее?

– Яэль! Крошка Яэль! Ты превратилась в шикарную женщину, – выдал он комплимент, слегка кланяясь мне.

Потом он заговорил чуть тише, словно мы были старыми друзьями, которые плели заговор.

– Ну вот, ты его в конце концов нашла, – осмелился он подмигнуть мне.

– Только я и не думала его искать, – резко возразила я.

Он еще острит! Похоже, все в этой семейке витают в облаках!

– А она к тому же с характером, ух ты! Будь я лет на двадцать помоложе...

– Хватит, Абуэло! – выдохнул Марк, положив ему руку на плечо. – Мы собирались поговорить.

Они понимающе переглянулись, что было предсказуемо, но я чувствовала, что все не так просто.

– Хорошо-хорошо... но ты же не можешь принимать ее здесь! Извини его, он разучился себя вести. Давайте идите отсюда! Я закрываю лавку! Пригласи ее к Луи, там вам будет удобно.

Марк послал мне вопросительный взгляд, я кивнула и направилась к выходу. Похоже, я угодила в настоящую западню. Я вышла на улицу, поджидая Марка. По-прежнему шел дождь. Появился Марк, раскрыл зонтик, протянул мне. Он надел потертый вельветовый пиджак бежевого цвета и поднял воротник, чтобы защититься от дождевых капель.

– Не сердись на Абуэло, он не умеет себя вести...

А мне-то что за дело?

– Все нормально.

- Не возражаешь, если мы немного пройдемся?

Знал бы ты... я уже два часа хожу, так что чуть больше, чуть меньше...

- Пошли, - нехотя согласилась я.

Он долго смотрел на меня, затем двинулся вперед. Я шла рядом молча, в метре от него. Марк тоже не раскрывал рта и на ходу скрутил себе сигарету. У него сохранились старые, эпохи нашего студенчества, привычки: такой же пиджак, вечные самокрутки, по-прежнему бурная жестикуляция и низкий значительный голос, звучащий так, словно он вот-вот возвестит о какой-то катастрофе, даже когда на самом деле он шутит. Все это совершенно не трогало меня.

По дороге я проверяла на телефоне почту: только текущие дела, ни слова от Бертрана. А уже перевалило за восемь вечера. Минут через пятнадцать Марк открыл дверь маленького ресторанчика, больше похожего на кафе, со стандартным меню, старомодного и абсолютно пустого. От запаха кухни - смесь чеснока, старого сала и томящегося на огне рагу - меня замутило. Некоторым такая обстановка нравится: скатерти в красную клетку, небрежно оформленный интерьер. Я не из их числа. Могла бы вспомнить, каким отличным аппетитом всегда отличался Марк. Он явно был завсегдатаем: войдя, сразу постучал в дверь кухни, откуда появился плотный мужчина и радостно хлопнул его по плечу:

- Привет, Луи!

- Привет, Марк! Ты без деда?

- Без деда, но не один.

Персонаж по имени Луи наклонил голову и заметил меня. Он вытер ладони о фартук и пожал мне руку. Когда он ее отпустил, я еле удержалась, чтобы не достать из сумки дезинфицирующий гель.

- Приготовишь нам что-нибудь? Не спеши, мы не торопимся.

Говори за себя, Марк.

- Я приготовлю вам вкусное блюдо, мадемуазель, вам точно понравится!

Какой ужас! Ни за что не буду есть ничего, что сделано на его мерзкой кухне его мерзкими руками!

- Мне ничего не надо! Я не голодная!

- Со мной это не проходит! Вас же того гряди ветром унесет! Просто скажите, чего вам хочется?

Продолжать отнекиваться невежливо.

- Если у вас есть зеленые овощи... или салат, но без всего...

- Вы оцените! Марк, будь как дома. Возьми графин и налей вина.

Он исчез на кухне, оставив нас наедине. Марк зашел за стойку и сделал приглашающий жест: «Выбери нам столик». Выбор был неограниченным. Я предпочла столик у витрины. Ножки старого деревянного стула зашуршали по плитке, напомнив о головной боли. Устроившись за столом, я не решалась положить на него руки, опасаясь, что скатерть грязная и липкая. Я осторожно дотронулась до нее и испытала облегчение: ткань казалась чистой, и тогда я положила на стол телефон. Марк сел напротив и налил нам красного вина в большие бокалы. Он поднял свой бокал и проницательно предположил:

- Судя по твоему недовольному лицу, ты, как я понимаю, откажешься выпить за нашу встречу?

Я уничтожила его взглядом. Он должен усвоить, что в тот самый день, когда ушел, он утратил всякое право подкалывать меня.

- Ты действительно правильно все понимаешь.

Я механически глотнула вина. Марк сделал то же самое.

- Мне не хватило смелости попрощаться с вами, - кинулся он с головой в воду.

– Что это должно означать?

– Меня выгнали с факультета, точнее, Абуэло решил, что меня выгнали... возможно, ты забыла... но я жил у него, когда учился в университете.

Естественно, я все помню. Как тебе могло прийти в голову, что я забыла? Мы же все время тусовались вместе!

– Как это связано с твоим исчезновением?

– Когда стало ясно, что я в очередной раз провалю экзамены, Абуэло, с согласия моих родителей, сделал мне довольно простое предложение. Он хотел, чтобы я встряхнулся, перестал прозябать, занял чем-то свои дни, свою молодость. Он оплатил мне билет с открытой датой и предложил попутешествовать, научиться самому хоть сколько-то зарабатывать, повидать людей, страну и вернуться, когда я пойму, что хочу сделать со своей жизнью. Когда он заговорил об этом в первый раз, я не принял его слова всерьез, посчитал, что у меня есть выбор. Во второй раз он заказал мне билет в один конец, который нужно было использовать в течение трех дней. Меня приперли к стенке, загнали в угол.

Теперь я была не просто в ярости, я была потрясена. Лапша, которую вешал мне на уши его дед, оказалась правдой. Марк – полный кретин!

– Почему ты молчал? Почему мы ничего не знали? – Я стукнула кулаком по столу.

– Яэль, будь справедлива. Вспомни отношения в нашей компании. Разве вы бы не сделали всё, чтобы я остался?

Он посмотрел мне в глаза, я отвела их. Естественно, я бы сражалась до последнего, чтобы удержать его, или уехала бы с ним, тем более что планировала тогда то же самое. Как он посмел так поступить с нами, со мной? Мы всё друг другу рассказывали, всем делились.

– Это не оправдание, – возразила я. – Ты должен был с нами попрощаться. Мы бы поняли, помогли тебе...

Потом меня охватила злость, голос стал резким, негодование рвалось наружу.

– Ты думаешь, нам это было до лампочки?! Мы всюду искали тебя, как психи! Умирили со страху! Ты переступил через нас! Ты хоть представляешь, сколько боли ты нам причинил? Не могу смириться с тем, что ты все скрыл, выкинул нас из своей жизни. Ты отделился от нас, а ведь мы шестеро были единой семьей. Наша дружба была навечно!

Я резко замолчала, обессилев от такой страстной тирады. Он вздохнул, ущипнул себя за нос, и я заметила, какой он потерянный, обезоруженный.

– Если бы я это сделал, я бы сбежал и ни за что бы не уехал, окончательно потеряв доверие Абуэло. Я не мог так с ним поступить, я бы предал его. Да, я выбрал деда, а не вас. С вами я поступил подло...

Отдавал ли он себе отчет в том, что каждое его слово было как удар кинжала в сердце? Он говорил о доверии. А как же насчет нашего доверия? Он растоптал его.

– Этому нет прощения, я понимаю... но я был в ужасе от необходимости уехать и бросить вас... и не хотел выглядеть лузером, от которого родители и дед стремятся избавиться. Они не знали, что со мной делать. Я был никем, Яэль, и я не готов был позволить вам понять это...

Он низко опустил голову. Когда он снова посмотрел на меня, на его губах проступила грустная улыбка.

– К тому же в мой последний вечер мы устроили безумную гулянку по случаю твоей новой работы.

– Это правда...

– Я постоянно думал об отъезде, я едва не раскололся и не рассказал вам все, но я не хотел отравлять тебе праздник, хотел побыть с вами без проблем до самой последней минуты.

В моем воображении возникла четкая картина. Та, которую все десять лет я запрещала себе вспоминать, потому что это было слишком больно.

- Это значит, что когда ты провожал меня пешком до дома в семь утра...

- Я знал, что больше тебя не увижу, - признался он.

- Ты меня обнял и попросил сохранить твой билет...

- На концерт Бена Харпера... я хорошо помню... А я убежал и поехал в аэропорт.

Я обхватила голову руками и уставилась на плитки пола.

- Мог бы прислать какое-то сообщение, уже после отъезда!

- И что бы это дало? Я должен был поставить вас в известность, что я в отчаянии, что я ни к чему не пригодный неудачник?! И потом, я очень боялся ваших упреков. В тот день, когда я узнал от Абуэло, что ты приходила к нему, я понял, что уже поздно объявляться, что будет только хуже.

- Как бы не так... Ты просто искал себе оправдания, чтобы сжечь все мосты между нами, а заодно и нашу дружбу.

- Как ты можешь так говорить!

- Да заткнись ты, Марк!

Я глубоко вздохнула, откинулась на спинку стула, неожиданно навалилась ужасная усталость. Я не знала, что еще ему сказать, раздосадованная и придавленная воспоминанием об этой последней встрече с его дедом.

На следующий день после того, как наши увели меня от факультета, я не пошла на работу, а уселась на тротуаре перед дверью дома, где жил дед Марка, полная решимости оставаться здесь, пока он не придет. Было около девяти вечера, когда я заметила его: он приближался, что-то насвистывая. Старик остановился передо мной с мягкой улыбкой на губах, на нем был один из вельветовых пиджаков Марка. Он пригласил меня зайти. До сих пор помню, как, поднимаясь за ним по лестнице, подумала, что дед в отличной форме, если может на такой скорости карабкаться на четвертый этаж. Он не переставая насвистывал, что меня крайне раздражало. Когда мы вошли в квартиру, я осталась в прихожей,

скрестив на груди руки, возле входной двери, а он пошел по длинному коридору, оформленному в теплых тонах – охра, красное дерево – и освещенному настенными светильниками. В конце концов я не выдержала:

– Где он?

– Проходи, садись, крошка Яэль!

– Нет!

Он со смехом обернулся ко мне:

– Ну и характер!

– Рада, что развеселила вас, но все-таки где он?

Абуэло подошел ко мне, и я отступила на шаг, когда он положил мне на плечо морщинистую руку. Он помрачнел.

– С ним все в порядке, не беспокойся...

Я вздохнула с облегчением, но тут же продолжила:

– Ок! Но где он?

Старик закурил тонкую сигарку, потом, не отрывая от меня взгляда, покачал головой.

– Я знал, что рано или поздно кто-то из вас пятерых придет с вопросами... Да-да... Интуиция подсказывала мне, что, скорее всего, это будешь ты.

– Плевать мне на вашу интуицию! Я хочу его видеть!

– Марк уехал, чтобы попытаться переделать свою жизнь, рискнуть... Он далеко...

– Но где он? И почему уехал? – закричала я, топнув ногой.

- Больше я не могу тебе ничего сказать... Мой внук кретин. А я говорил ему, что он должен вам сообщить... ну да ладно... он сделал свой выбор...

Он сильно сжал мои плечи, слезы струились по моим щекам.

- Это было непростое решение, поверь мне, но он должен был уехать, это было необходимо... для его же блага. А теперь возвращайся к своей жизни, крошка Яэль. И друзьям своим передай то же самое...

- Он не вернется? - спросила я срывающимся голосом.

Абуэло пожал плечами, в его глазах промелькнула искорка грусти. Он еще сильнее сдавил меня.

- Не жди его, - шепнул он.

Я высвободилась и убежала, не закрыв за собой дверь. Он вышел на лестничную площадку и позвал меня, но я не хотела больше ничего слышать и заткнула уши. Я помчалась к Алисе и Седрику, чтобы все рассказать. В тот период я чувствовала себя такой одинокой без него, считала, что он меня предал, и одновременно страшно по нему тосковала. А потом мы, не сговариваясь, стали все реже упоминать его имя. Жизнь пошла своим чередом. Однако никто его не забыл. Просто Марк стал для нас запретной темой. Я срочно переводила разговор в тех редких случаях, когда кто-то произносил его имя.

И вот в этот вечер, благодаря случаю и дождю, наши пути снова пересеклись. Марк сидел передо мной и пытался оправдаться.

- Ну и?.. Как там твои странствия? - в конце концов спросила я, чтобы прервать поток своих воспоминаний.

Я узнала, что он провел год в Канаде, где ему было очень плохо: мучило одиночество, не удавалось ни с кем сблизиться. Неспособность взять себя в руки не испарилась чудесным образом, когда он очутился на другом континенте. Деньги, с которыми он уехал, таяли, как снег на солнце. Он пересек страну с востока на запад на поезде, обеспечивая минимальные жизненные потребности разовой работой, за которую ему платили наличными. Он выучил английский -

эта новость вызвала у меня улыбку – и заодно приобрел умение выкручиваться самостоятельно. Год, прожитый в одиночестве, стал своего рода пинком под зад, который был ему необходим: он повзрослел, «это было эффективнее, чем служба в армии», – объяснил он. В Ванкувере он встретил некую Жюльетту, которая не только пролила бальзам на его измученное сердце, но и увлекла в путешествие по французским заморским территориям. Так начались вечные каникулы, которые не прерывались, даже когда он мыл посуду, чтобы заработать несколько евро. Они с Жюльеттой постоянно переезжали из города в город, рассказывал он, и им не грозили ни рутинная, ни монотонная жизнь. Каждая минута могла стать началом нового приключения. А потом, шатаясь однажды по городу, он наткнулся на мебельный базар, где и провел всю вторую половину дня. И хотя этнический стиль его не привлекал, он не скучал, болтал со столярами, с обивщиками, со всеми мастерами подряд. Там, на базаре, он очутился в своей стихии и понял, что у него неплохие знания в данной сфере. Несколько дней он не мог не думать об этой истории, и в конце концов ему пришлось признаться себе в истоках этого наваждения: Абуэло передал ему свою страсть, он тоже стал охотником за сокровищами. Наконец-то он знает, чем хочет заниматься в жизни: он будет антикваром, будет работать вместе с дедом. Пробил час возвращения в родные пенаты.

– Когда это было?

Он помолчал, поскреб в затылке и глубоко вздохнул.

– Пять лет назад, – ответил он, избегая моего взгляда.

– Пять лет! И тебе не захотелось связаться с нами?! – заорала я.

Но это же невозможно! Он столько прожил совсем рядом и пальцем не пошевелил, чтобы с нами встретиться. Зачем я теряю с ним время? У меня есть другие дела, а я сижу и слушаю галиматью задержавшегося в развитии подростка! Что за бред! Какое еще лживое оправдание он придумает?

– Тебе известно, что за десять лет успели изобрести гениальную штуку? Социальные сети называется, – иронизировала я. – Адриан даже отыскал приятелей по детскому саду!

– Это не мое...

- Не твое?! - возмутилась я. - Ты что, издеваешься, Марк?! Когда хочешь, можешь! На самом деле, я думаю, ты просто не хотел... Я даже сомневаюсь, что мы вообще для тебя что-то значили!

- Не смей так говорить! Без вас я пережил ад...

- Твой ад - чепуха по сравнению с нашим! - рявкнула я. - Ты нас предал, Марк. По твоей милости мы все очутились в заднице: Адриан на несколько месяцев утратил способность шутить, Седрик завалил из-за тебя выпускной экзамен, мы перестали ходить в «Эль Паис», потому что пару раз попробовали и выяснили, что не можем не плакать! Достаточно или тебе нужны еще подробности?

У него на глазах выступили слезы, он обхватил голову руками. В другой ситуации и не разозлилась я так, возможно, меня бы это тронуло. Но сейчас у меня было единственное желание: высказать ему все.

- А теперь отвечай! Как ты мог за все пять лет в Париже не попытаться разузнать, что с нами стало?

Он выдержал мой взгляд, глаза у него снова были сухими.

- Все это сложно... У меня уже так давно была другая жизнь, не имеющая ничего общего с вами. Я предпочел сохранить свои воспоминания, а не встречаться лицом к лицу. Представь себе, что было бы, если бы я вас нашел? Я бы свалился как снег на голову... Мы потеряли друг друга из виду, Яэль... У всех была собственная жизнь, и у меня в первую очередь... Я вернулся не один, Жюльетта приехала со мной, мы поженились перед самым возвращением в Париж.

- Ты женат!

Этого я совсем не ожидала. Не знаю почему, я еще больше разозлилась, если такое было возможно. Он смотрел в окно, дотрагиваясь до безымянного пальца левой руки, где сохранился след от обручального кольца.

- Теперь уже ненадолго, - вздохнул он. - Жду, когда назначат дату развода.

- У тебя, наверное, были неправильные свидетели, - ухмыльнулась я.

– Я это заслужил. – Он горько рассмеялся.

Мы замолчали. Марк мелкими глотками пил вино. А потом тишину резко нарушили: распахнулась кухонная дверь, и на пороге вырос хозяин.

– Ну и ну, что за настроение!

– Обмениваемся воспоминаниями, – ответил Марк.

– Н-да... не похоже, что они веселые, эти воспоминания!

Он поставил передо мной тарелку. Мне действительно подали зеленую фасоль, прекрасные большие стручки... но только с распластавшимся рядом толстым ломтем сала.

– Ты себя превзошел! – похвалил его Марк, оценив содержимое своей тарелки.

Его блюдо – плавающий в соусе говяжий язык – вызвало у меня приступ тошноты, но я изо всех сил постаралась ее скрыть.

– Великолепно, спасибо, – заявила я нейтральным тоном, борясь с отвращением.

– Подойдет? – уточнил он, явно гордясь собой.

Я кивнула и скупно улыбнулась, надеясь, что моя улыбка покажется ему искренней. «Шеф-повар» пожелал нам приятного аппетита и исчез. Я старательно отодвинула сало и подцепила на вилку фасолину. Марк тоже приступил к еде.

– Яэль?

– Да, – ответила я, бросив на него осторожный взгляд.

Он ерзал на стуле.

- Ну что еще?

Надо держать себя в руках, не давать воли своей злости.

- Как ты? И остальные? Умираю хочу узнать.

Я вздохнула, уже заранее устав от необходимости пересказывать события их жизни и придумывать что-то про себя.

- Через два года после твоего отъезда Алиса и Седрик поженились, их примеру последовали Адриан и Жанна.

- Адриан в роли мужа! Хотел бы я это увидеть!

Я промолчала, но в моем молчании явственно проскользнуло неодобрение.

- Прости, не нужно было это говорить.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы успокоиться.

- Знаешь, тебя ждало почетное место за свадебным столом, - сообщила я ему с улыбкой, которая помимо моей воли вышла грустной.

- Что-о-о?

- Седрик поступил так же, впрочем. На их свадьбе за столом тоже стоял пустой стул...

Он сжал кулак и одним духом допил вино.

- Алиса родила двоих детей, - продолжила я. - Мариусу семь лет, а Леа три. Адриан официально удочерил Эмму.

Я еще долго рассказывала обо всех, не давая ему вставить ни слова. Он слушал внимательно, словно ребенок волшебную сказку. Время от времени он улыбался, я понимала, как он потрясен тем, что столько всего пропустил. Наши тарелки

исчезли, будто сами собой – Луи не мешал нам, только предложил кофе: наверняка догадался, что от десерта я откажусь. И правда, я не отношусь к поклонницам крема и взбитых сливок. Он принес нам кофе с маленькой шоколадкой, которую я машинально сгрызла, несмотря на полное отсутствие аппетита.

– А ты, Яэль?

Я опустила голову. Напоминание о сегодняшнем провале заставило меня свериться с дисплеем телефона. Пусто. Это ненормально.

– Я? Ничего особенного... работаю все в той же конторе.

– Да ты что? Не может быть! А чем ты на самом деле занимаешься? Когда я уезжал, ты этого не знала.

– Перевожу, и еще разное другое.

– Какая-то ты таинственная... А в остальном? Как ты живешь? Ты счастлива? Мне хочется знать... Расскажи мне о себе, – оживленно настаивал он, улыбаясь.

Моя жизнь интересовала его. Но я не сомневалась: он не лучше остальных поймет, чем я занимаюсь. И вообще, уже слишком поздно...

– Извини, Марк, но мне пора, завтра у меня тяжелый день.

Я достала портмоне, чтобы заплатить за ужин, но он протянул руку, останавливая меня.

– Не надо, я найду завтра и расплачусь.

– Спасибо.

– А где ты теперь живешь?

– В пятнадцатом.

- Поедешь на метро? Могу подвезти, если хочешь.

- Не стоит, вызову такси. Оно будет здесь через пять минут. Когда я им расскажу, что нашла тебя...

Я бросила на него взгляд, мне была интересна его реакция. Хочет ли он восстановить былые отношения? Или все уже в прошлом? На его лице было написано потрясение, руки пришли в движение.

- Правда? Ты это сделаешь?

Да, сделаю. Несмотря на то, что я бы все отдала, лишь бы отмотать пленку назад, чтобы этого вечера никогда не было. Но я не имела права так поступить с ними. Я не настолько бесчувственна, чтобы лишить их Марка. И я знала, что они, не задумываясь, простят его. Это в их стиле...

- Как я могу скрыть от них? Они все сойдут с ума от радости. Дай мне твой телефон.

Он ответил мне счастливой улыбкой. После этого покопался в карманах куртки и вытащил потертый кожаный бумажник, готовый лопнуть, столько разномастных бумажек было в него напихано. Лихорадочно порывшись в нем, он извлек клейкий листочек.

- Ты не помнишь свой номер? - Я закатила глаза: в этом весь Марк!

- Нет. Ладно, у тебя есть чем записать?

Я внесла его в прямо в телефон, в контакты, и встала из-за стола. Он тоже поднялся и позвал Луи:

- Мы уходим! До завтра!

- До скорого, сынок. Мадемуазель, приходите, когда захотите.

Еще чего!

– Спасибо.

Я поблагодарила его, точно зная, что ноги моей не будет в этом заведении. Делать мне больше нечего! Такси дожидалось у двери. Я повернулась к Марку:

– Я позвоню.

– Тогда до скорого.

Он сделал шаг и поцеловал меня в щеку. Я проявила выдержку и не ответила. Потом села в машину, и Марк поспешил закрыть за мной дверцу. Такси тронулось. Возвращение в прошлое оставило горький привкус. Я сомневалась, что Марк понял, насколько все изменилось, в особенности после того, как он, ни слова не сказав, нас бросил. Да и мы уже не компания беззаботных студентов, мы стали взрослыми. Тем не менее, как я ему призналась, все остальные будут прыгать до потолка. Я подвела черту подо всем этим, прошлое больше не существовало для меня. Пусть они сами празднуют возвращение блудного сына, у меня есть другие дела и гораздо более серьезные заботы. Меня беспокоило полное исчезновение Бертрана из эфира: неужели он настолько зол на меня? Я отказывалась в это верить.

В конце этого невероятного дня я вернулась домой непривычно рано. Во всяком случае, достаточно рано, чтобы принять снотворное и глухо проспять без снов, ни разу не проснувшись, семь часов подряд. Несмотря на это, я встала с тяжестью в желудке и, поднявшись с постели и едва придя в себя, стала прокручивать в голове свой вчерашний прокол. Энергичное плавание помогло мне немного снизить градус тревоги. Ровно в девять я сидела за столом, готовая приступить к работе и исправить свою оплошность. Бертран пришел минут через десять и знаком предложил мне пройти в кабинет. Его поведение заставляло опасаться худшего: он рылся в папках с документами, не поднимая на меня глаз.

– Вчера вечером прилетела жена Шона. Ты сегодня сопровождаешь ее на шопинге, – как ни в чем не бывало объявил он, выдержав паузу.

Я окаменела.

– Что? Но мне казалось, что у него запланированы встречи, на которых я ему понадоблюсь.

Он окинул меня холодным взглядом:

– Это я беру на себя. Предпочитаю, чтобы ты занялась его супругой. Ты же не думаешь, что мне подойдет ампула персонального шоппера!

У меня задрожали руки, и я спрятала их за спиной.

– Ты отдохнула?

– Он так сильно злится на меня?

Бертран глубоко вздохнул, но я не поняла почему.

– Нет, это мое решение... Получишь внеплановый выходной, – его голос немного смягчился, – и завтра снова будешь в форме.

– Мне очень неприятно из-за вчерашнего.

Он отмел мои извинения взмахом руки и вернулся к своим документам.

– Не беспокойся, все забыто.

На самом деле все было наоборот. Он недвусмысленно напоминал мне, что приказы отдает он, что он здесь хозяин и что я совершила ошибку. И мне не оставалось ничего другого, кроме как стерпеть.

Две следующие недели я выполняла текущие дела и другие задания типа бебиситтинга. С другой стороны, число вызовов в кабинет Бертрана постепенно возвращалось к норме. Я понимала, что проявила слабость и едва избежала беды, поэтому удвоила усилия и старательность. И всякий раз откладывала на завтра объявление нашей компании великой новости о возвращении Марка.

Субботу я решила провести в агентстве. Бертран забежал ненадолго между девятью и десятью, закрылся в кабинете, после чего отбыл на соревнования по гольфу, где мы выступали спонсорами.

Днем мне позвонила сестра.

– Жители предместий совершают набег на Париж! – радостно объявила она.

– Можно узнать подробности?

– На все выходные обещают хорошую погоду, дети хотят подняться на Эйфелеву башню, поэтому мы решили перед восхождением устроить пикник на Марсовом поле. Адриан, Жанна и Эмма тоже приедут. Ты с нами?

До двадцатого числа еще далеко, но можно и заранее отработать повинность.

– Я приду.

– Это правда? Правда-правда? – не веря услышанному, завопила она в телефон.

– Я же сказала! А то передумая...

– Гениально! Мы все соберемся, дети будут безумно рады.

На словах «мы все соберемся» я дрогнула и решила, что отступить некуда.

– Ты даже не догадываешься, насколько права!

– А что?

– Приготовься!

– Я готова! Что случилось?

– Я нашла Марка.

Пролетел тихий ангел, причем довольно упитанный.

- Не смешно! - возмутилась она. - Всякому цинизму есть предел!

- Я серьезно, клянусь тебе... У меня даже его номер телефона есть.

- Когда? Где он? Как у него дела? Седрик!!! Марк вернулся! Яэль его нашла!!!

В телефоне зашумело.

- Это правда - то, что я сейчас услышал? - заорал он в трубку, отняв ее у жены.

- Да, - подтвердила я, закатив глаза в раздражении.

- Надо будет позвонить Адриану!

- Я здесь, - раздался голос сестры. - Господи! Я организую лучший пикник моей жизни.

- Притормози, Алиса, я позвоню и предложу ему прийти. Ему решать, может, он вообще занят. А теперь заканчиваем, мне пора работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Перевод А. М. Руткевича. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Прислушайся к моему голосу, услышь мою мольбу. / Слышишь, как бьется мое сердце? Не противься! / Прошу тебя, не будь пугливой, / Когда мне так хочется. / Я жду твоей доверчивости, а ты ведешь себя как пленница. / Я жду твоей покорности, а ты робеешь (франц.).

3

От исп. abuelo – дедушка.

4

Гуронсан – препарат-энергетик, помогающий восстановлению организма при физической и умственной усталости.

Купить: <https://telnovel.com/anes-marten-lyugan/izvini-menya-zhdut>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)